Альбина
Акритас

Агат

Стихотворный сборник

Ева

поэма

«Спасибо за то что на свете есть чудеса
и не стоит подвергать их химическому анализу».
Б. Акунин.

Что ж не вникаю в повседневные сюжеты?
Ведь люди же кругом, у них и то и это…
Ну, а меня заносит всё куда-то влево,
Куда – неведомо! Ну, вот, положим, Ева…

Чего в раю ей не гулялось, не сиделось?
Чего со Змеем подружилась, даже спелась?
Хотела фруктов, не предвидела последствий?
Ну, а на нас свалила мириады бедствий!

Какой был рай – заботы ноль, цветы и травы!
Адам-приятель и невинные забавы…
Олени, волки, тигры, зайцы и лягушки –
Все жили вместе, словно мягкие игрушки!

Ребро бессмысленное! Ты была упряма,
С пути свернула недалёкого Адама…
А мы в ответе, мы живём, себе не рады!
Эх, встретить бы тебя и наподдать, как надо!

Я на Тверской, на остановке находилась,
Пришел пятнадцатый, вовнутрь его ввинтилась,
И мы поехали… Но мысль о прапрамаме,
О жизни райской, легкомысленном Адаме

Не оставляла… Дождь по улице катился…
Вдруг слышу, кто-то за рукав мой ухватился!
Смотрю – бабуся и с хитрющими глазами:
«Желали вроде обратиться к прапрамаме?

Так вон она – смотрите, там, у турникета,
Девица рыжая, как чучело одета…
Она – пра-пра! Нет, что вы, я не ошибаюсь!
Маршрутом этим с ней давно уже катаюсь».

И вышла. Мы как раз к аптеке подрулили,
Смотрю – мою пра-пра к кабине придавили.
Пришлось протиснуться, хоть это трудно было,
Я всё ж таки на тротуар её ссадила.

«Ты впрямь она?». «Ну, да…». «Так быстро отвечай –
Имело смысл папаше не повиноваться?».
«Змей запугал, хвостом колючим начал драться…».
«Так из-за этого мы потеряли рай?

Ох, Ева, ты ещё глупей, чем показаться
Могло в писаниях!». От злости я кипела:
«Небесный рай сменить на траханье в постели!
Ну, расскажи, как слабоумье одолело?
Иль идиоткою была на самом деле?».

«Да, – Ева молвила покорно, покаянно… –
Прости, тебя я тоже сексом наградила,
За это, знаю, ты не поблагодарила,
Но очень многие довольны – вот ведь странно…

Всё размножаются, уже доразмножались,..
Предупрежденья, катаклизмы не в почёте…
Лишь похоть смрадная! И как вы в ней живёте?
Как до сих пор с дыханьем вашим не расстались?».

Я удивилась, растерялась, онемела –
Как примитивное ребро переменилось!
Потом придвинулась, в глаза ей посмотрела:
«Пойдем в кафешку, ты ещё не объяснилась».

Пошли по улице… дождь, слякость, в «Саш» зашли,
Купила куртку ей и зонтик, и кроссовки.
А то, что юбки край почти что до земли –
Так счас такие надевают на тусовки.

«Не, в «Ростикс» не пойдём, пошли в «Му-му»,
в подвал,
Там тихо, сухо и тепло, народу мало».
Я принесла еду, кореец чай подал,
Мы подкрепились, после Ева продолжала:

«Я молодою, любопытною была,
Мне быть бы как Лилит или умней немного,
Уж сколько бедствий от людей бы отвела,
Какому горю перекрыла бы дорогу!
Мы жили рядом: лев, олень и крокодил,
Мы ели фрукты и диковинные травы,

Был вечный праздник… Так обидно слово «был»,
Так хочется опять в эдемские забавы.

Со скал ныряли, осьминоги в глубине
Нас не отпугивали – страха мы не знали…
Не знали войн и убиенных на войне,
Ну, а болезни вовсе не существовали,

И смерти не было… Размножиться могли
Мы., как отец, души частички раздавая!
Но… позабыли… Годы сладкие текли,
Как в сказке, – радостно и не переставая!».

Тут на меня взглянула: «Можешь ты понять,
Как нас ласкали, одевали горним светом?
Он мной погашен был! И более меня
Навряд ли кто-нибудь печалится об этом.

Я каждый божий день (не нужен мне предлог)
Всё вспоминаю волка, зайца и шакала…
Ко мне бежали, у моих садились ног,
И все слова в их языке я понимала.

Увы, гармония, разрушенная мной,
Меня отметила бессмертием страданья,
С тех пор скитаюсь под холодною луной
И не предвижу испытанью окончанья.

Приятель – тот гораздо меньше пострадал:
Артель верховная ребро восстановила.
И это правильно – ведь не был он нахал,
Его сама я сладким плодом накормила…».

Чай допила, берет надвинула к бровям,
За угощение «спасибо» мне сказала
И удалилась в наших улиц тарарам,
Ушла, растаяла, как не существовала…

Куда пойдёт? Небезопасно там, вовне!
Я поднялась… но вдруг услышала шептанье:
«Не беспокойся, позаботится о мне
И сохранит меня, чтоб длилось покаянье,

Он, мой отец… Ну чем ты можешь мне помочь?
Когда-нибудь я настрадаюсь, срок настанет,
Он прекратит моих переживаний ночь,
И больше ужасами душу не изранит».

Я села вновь на деревянный табурет,
Я руки нервные на скатерти сцепила:
«Официант, сходи-ка, миленький, в буфет
И принеси мне для восстановленья силы

Рюмашку водки… Душу надобно согреть,
Чтоб успокоилась и не кровоточила.
А дождь всё шел, не собирался замереть,
Печалью осени Тверскую заносило…

Да, так нелепо всё случилось на земле,
Так жалко Еву, что ушла в дождливый вечер…
И только зонтик, позабытый на столе,
Напоминал полумистическую встречу.

8 сентября 2008 г.
Кассандра,
лежак у бассейна.

Стихи

* * *

В рисованье уйду, как в ограду,
В огражденье, спасение от
Человеческих пышных парадов,
Самомнений, смятений, забот.

От восторгов и приобретений,
От любви, от потерь и разлук,
Человеком придуманных штук
И содеянных им преступлений.

Нарисую деревья в цвету,
Даже если они облетели,
И весну, даже если метели,
Охладили её красоту.

Я уйду, я сумею уйти,
За оградой от мира укрыться!
Рисованье, прими, защити,
Разреши мне в тебя удалиться.

2 марта 1992 г.

* * *

Ты из области законов,
Я из беззакония.
У тебя полно канонов,
У меня – ирония.

Моя выросла трава
В поле, где непахано.
Я блуждаю... Голова
Кружится от запаха.

У тебя салют гремит,
Новости, открытия!
У меня паук висит –
Тоже ведь событие.

Уже несколько минут
На руку спускается...
И пускай гремит салют,
Небо кувыркается.

Мы пребудем в тишине,
Паутинкой связаны...
Нам вторжения извне
Противопоказаны.

Лето 1991 г.

* * *

Засыпает снегом Боровск,
Огороды с садом –
Видно, были недоборы
С зимним снегопадом.

Не сумел с календарями
Снег договориться…
И в весенней панораме,
Вопреки её программе
Весело кружится!

Март… Почти что серединка –
И такой подарок!
Городок – цветная льдинка,
Хрупок и неярок.

Храм Николы, храм Успенья,
звоны-перезвоны…
И мелькают словно тени
Средь ажурного плетенья
Серые вороны.

12 марта 2006 г.

* * *

Преследует стиховая стихия –
Размеренные конники Батыя!
Их лошади, обвешанные пеной,
Не устают, не требуют замены,
И не едят, наверно, и не пьют,
И не меняют заданный маршрут.

Уж сколько раз просила: пощадите!
Какое там!
Находит по следам
И грабит беспощадный победитель.

Горят мои исконные владенья,
Изгнанье, поруганье, потопленье!
Мечусь в дыму, на помощь призываю,
Ни в ком сочувствия не вызываю!

Уже стропила рухнули и крыши,
Ушли мои изнеженные мыши,
За ними кошки, следом вся скотина,
Последний таракан меня покинул!

Уйду и я! С Батыем побратаюсь,
И по степям бескрайним замотаюсь.
Сменяю свое перышко на саблю
И всех невинных дочиста ограблю!

1985 г.

* * *

Какая щемящая нынче весна,
Снег тает так тихо, смиренно,
Туманная, выцветшая пелена
Смягчила контрасты вселенной.

Рефлексами теплыми весь освещен,
Бесшумный, почти что крылатый,
Моей электрички последний вагон
Уходит в пространство заката.

Соседи читают. Им час-полтора
Бок о бок качаться в вагоне:
Политика, моды, реклам мишура,
Газеты «Сегодня», «Намедни», «Вчера»...

А солнце за окнами тонет
В темнеющей чаще и в синем снегу,
В заборах, домах золоченных,
В прозрачных деревьях, в стогах на лугу,

В проталинах узеньких черных,
В остынувших лужах... Весь мир за окном
Как пепел и теплые искры.
Все ехать, и ехать, и ехать бы в нем,
Разнеженно, мягко, небыстро.

Какая щемящая нынче весна...
Так грустно и хочется плакать
О бедах земли, что восстала от сна,
О снеге, что вырулит в слякоть,

О вечере тихом, об умершем дне,
О тщетной за счастьем погоне,
О белой зиме, о тебе, обо мне,
И о золотой безмятежной весне,
Что едет со мною в вагоне.

25 марта 1996 г.

* * *

На крыше петух разорался,
Какой-то безумный петух,
И город в клочки разодрался,
И свет его окон потух.

Ударило синее пламя
Подобие ангельских крыл,
И кто-то прошел между нами
И нам отступленье закрыл.

Мы мчались по улицам бывшим,
Стеная и жребий кляня!
Ужели допустит Всевышний,
Чтоб стали добычей огня?!

А синее пламя гудело
Из окон и бывших дверей!
Всевышнему не было дела
До жизни людей и зверей.

Как суд пламенеющий страшен!
Как ропот сжигаемых глух!
Пылает высочество башен,
Пылает отчаянье наше
И бедный безумный петух…

15 апреля 1991 г.

* * *

Это время молодых,
Необузданных, больших,
Сытых и красивых.
Мы уходим через час,
И они забудут нас,
Это справедливо.

Всё с собою заберём,
Всё, чем мучились вдвоём,
Радовались, жили.
Им не нужно, им зачем.
Создадут своих систем
Новых в изобилье.

Нет резона для живых,
Кроме звона в кладовых,
Тут не отрекутся.
Остальное всё без нас:
Хлеб, любовь, иконостас –
Сами разберутся.

Обижаться нам смешно,
Это их сеанс в кино.
Наше – показали.
Кто отснял, кто режиссёр,
Неизвестно до сих пор.
Только время – контролёр
Неотступно в зале.

1985 г.

* * *

В.С. Сорокину

Великую истину ты мне сказал –
Какая нам разница что в результате?
Мы доноры – нате, и нате, и нате…
И умер – как понял, что недоотдал.

Кому отдаём? Вам, собравшимся в зале?
Народу любимому? Не угадали!
Свой дар ненасытный питаем собою,
Призвание, что обернулось судьбою!

Голодный талант. Он с утра и до ночи,
С утра и до ночи наш труд потребляет.
Ни мыслей, ни времени не оставляет,
Ни с кем и ничем поделиться не хочет.

Ты это усвоил, Семёныч? Я тоже.
Вот так и живем, измениться не можем.
Да что там не можем, ведь нет и хотенья!
Мы любим тирана, нам сладко общенье!

И нету нам разницы, что в результате,
Одна только мысль – до палитры дорваться,
С утра и до вечера с ней оставаться,
Уйти, лишь себя до упора расстратив.

Пустой оболочкой доплыть до постели,
Уснуть, позабыться, силёнок набраться –
И снова к палитре! А как вы хотели?
Чтоб это для вас? Ошибаетесь, братцы!

Всё это во имя, во славу тирана –
Таланта любимого! Страшно подумать –
Ему изменить! Только верность желанна,
Измен не прощает, уходит без шума…

С ним вместе душа покидает изгоя.
Живёт оболочка – богата, известна!
Но нет сердцевины, а все остальное
Не важно, не нужно и не интересно.

30 сентября 2004 г.

В электричке

В окне косые тени
На зелени лежат –
Вечернего успенья
Изысканный наряд.

Поля и огороды
С засохшею ботвой,
Обилие природы,
И домиков колоды
За зеленью живой.

Мелькают полустанки,
Скукоженный народ,
Платформы, пушки, танки,
Раздавленные банки,
Завалы нечистот.

Я снова в электричке,
Уже в который раз…
За много лет привычка
К вагонам родилась,

К вагонам и скамейкам,
К соседским телогрейкам,
И к запахам невкусным,
И к размышленьям грустным…

Но нынче не горюю,
Спокойствия полна,
В вагоне существую
Почти совсем одна.

Волшебно вечереет,
Вагон в природе реет
Почти совсем пустой.

И я скольжу в закате,
В вечернем аромате
Сквозь сумрак золотой.

1987 г.

* * *

Я ничего читать не жажду.
Не жажду видеть ничего.
Я всё прочла уже однажды,
И насмотрелася всего.

А толку нету. Поступаю
Почти всегда наоборот –
Моих поступков хоровод
Кружится, смыслу изменяя.
Вобще его не признаёт.

Зачем мне опыт? Он чужой,
А жизнь моя. Всё это просто.
Чужого разума конвой –
Гнилая, жесткая короста.

Пусть интуиция одна
Руководит мои движенья.
Какая книжка мне нужна?
Или какого наставленья
Распаханная целина?

Всё в первый раз – сама, сама,
Сама иду и спотыкаюсь,
Но никогда не опираюсь
На посох чуждого ума.

1987 г.

* * *

Реально только гениальное – всё-всё
Талантом созданное, остальное – тлен!
Реален мир Дега, Рублёва, Пикассо,
Реальны песни Одиссеевых сирен…
В них нету времени, в них нету перемен.

Реален Моцарт и бессмертен Дон Жуан,
Он существует, а козла-соседа нету…
И неба нету! Голубеющий экран,
Накрывший нашу нереальную планету –

Всего лишь миф! Нет, я нисколько не шучу!
Всё матерьяльное так скоро истлевает,
Минута, год, века – неважно, время тает,
Водой в песок без остановки убегает,

К нему привязывать эмоций не хочу.
Так нестабильно… Лишь привяжешься –
с приветом!
Его уж нету… ничего-то рядом нету.

Вчера друзья, да что вчера – назад минуту…
Полслова, взгляд и, как отведало цикуту,
Погибло дружество! Взамен родился холод,
Вчера младенец, посмотри, уже немолод,
Уже старик… А радость, счастье –
тут уж право,
И говорить смешно – секундная забава.

Но вечны Моцарты!
Ни углублять идею,

Ни растолковывать не буду, не сумею –
Умом конечным бесконечность не понять.
И продвигаться в эту сторону не буду;
Уйду в искусство, словно вылечу простиду,
Одно искусство, несомненно, для меня!

Спасусь от снов материальных, нереальных,
От низкой прозы, от житейской суеты,
Горячих точек, ситуаций инфернальных,
От ощущения конечной пустоты,
Магнитных бурь, тяжелых кризисов валютных
И настроенья перепадов поминутных.

Уйду в реальность, как машина на парковку,
Прерву контакты с иллюзорною дорогой,
В стабильность вырулю – ведь нужно так немного:
Послушать Моцарта иль посмотреть Ван Гога,
Иль просто-напросто поехать в Третьяковку.

27 января 1999 г.

* * *

Давайте, давайте сорвёмся с цепи!
Пусть станет нам страх незнакомым.
Пускай, погибая, визжит и вопит
О казни своей незаконной!

Мол, нужен для благополучья детей,
Спокойствия и процветанья,
Для реализации важных затей,
Для жизненных благов хватанья!

Пошлём, наплюём! Перестанем ронять
Себя недостойным притворством, –
Кадить дуракам, подлецов восхвалять,
Шокируем мир непокорством!

Давайте сорвёмся – была не была!
Давайте поищем другого
Душе состоянья! А вдруг ей мила
Покажется эта обнова?

А вдруг она этого только и ждет,
Чтоб сделаться очень счастливой?!
Ей так надоело среди нечистот,
Так хочется альтернативы!

Бесстрашие, честность – какие слова,
Какие за ними понятья!
Сорвёмся с цепи! А коль я не права,
Задумавши мероприятье,

Вы все отойдите – пускай я одна
Сорвусь и пожну результаты!!!

Вы скажете: «Да на головку больна...»!
И будете правы, ребята!

2007 г.

* * *

Не казаться – но быть!
Не казаться! – но быть! Не казаться!
На земле погостить,
Так, слегка погостить
И смотаться!

Но чтоб вместе веселье гостило!
Не рядом, а вместе!
Чтобы счастье себя проявило
Закваскою в тесте!

В тесте существованья.
Чтоб переживанья
Лишь в плане блаженства –
Никакого скитанья
Для благ соисканья,
Почёта, степенства!

Ничего из того,
Что так дорого людям, так мило!
Чтоб моё существо
С бытовухой родство
Прекратило!

Не казаться – но быть!
В человечьи силки не втянуться!
Жизнь легко проскочить
И вселенской тоски
Не коснуться!

5 ноября 2003 г.

Олегу Огурцову

И Дон Гуан, и Купидон,
И Пушкин – ты в моих работах,
Певец и Ленин, даже он!
Не говоря уже о ротах
Статистов! По холстам, листам
Полвека шествуешь упрямо!

А что? Бывали даже дамы
С тебя срисованы! Для дам
Тебя в одежды наряжала,
И преспокойно рисовала
Красоток около воды
Иль у плиты, иль на войне –
Всё-всё доступно было мне
С таким натурщиком! Любимый
И уважаемый, давай
С тебя вельможу нарисую!
Вот тут, у столика вставай.

Похож! Одежду непростую,
Роскошную одень! Во-во,
Сияешь, бородой белеешь,
Почтенье в окруженье сеешь,
Как будто, правда, вещество
Высокородности имеешь!
Детали – блеск: рука и нос,
Осанка, гнев – всё без подделки!
Запечатлею, не вопрос,
Легко, как кашу съесть с тарелки!

Взглянул, увидел, срисовал!
Сама собой картина вышла.

Благодарю, что не удрал.
Ща отдохнём – слова и мысли,
И чай с печеньем подарю –
Я так тебя благодарю!

Теперь иди… Чтоб в тишине
Могла осмыслить, что случилось.
Я ж вновь с удачей обручилась,
С победой в творческой войне.

3 октября 2005 г.

* * *

Из глубин материи
В небеса кричу:
«Отвори мне двери!
Я к тебе хочу!»

Чтоб без возвращения,
Чтобы насовсем!
Ну услышь моления
Из земных систем!

Дай мне знать, Единственный,
О своей любви!
Объявись, таинственный,
Сроки назови!

Чтоб была утешена,
Что тобой не брошена
Средь земных тревог!
Пусть пока что бешеной,
Жизни перекошеной
Не настал итог.

Будет, точно знала бы,
Горестям финал!
И в тюрьме плясала бы,
И ни капли жалобы
Ты б не услыхал!

15 июля 2003 г.

Поэмы, написанные в Греции на полуострове Кассандра в 2008 году

Мария

«Будут строить храмы, курить фимиам, золотить купола, а на самом деле настанет царство зла и лжи. Страшно будет дожить до этих времен».
Преподобный Серафим Вырицкий.

Прикупила тетрадь,
Значит, нужно писать!
Вот две строчки уже написала.
Ща сюжет запалю,
Грамотеев пошлю,
Ну а после замру у штурвала.

И корабль поведу
По морям по волнам,
Об героях не нужно базара!
Что могу я to do?
Поболтать! Ну а там,
Как придётся, сказала Тамара!

То подружка моя.
В супермаркете я
У неё покупаю водичку.
И беседы веду!
Что могу я to do?
К болтовне сохранила привычку.

Ну а что в остальном?
Утром ранний подъём,
В изумрудной водице купанье;
После в сосны иду…
Что могу я to do?
Я приговорена к отдыханью.

Ладно, хватит вступле…
Вот сегодня еле,
Еле-еле на горку втащилась!
Шла и шла в городок,
Он довольно далёк,
Серпантинила и заблудилась.

Три горы, пять долин,
Пыль, сухая трава,
Еле видны дорожки кривые…
Вдруг под сенью маслин
Церковь… То ль Рождества,
То ль приюта для Девы Марии…

Маловатенькая,
Словно спальня моя,
А вошла – свечи, книги, иконы!
И со стен в тишине
Тянет руки ко мне
Малышок на коленях Мадонны!

Очень древние стены
И воздух меж них,
Словно я в эпицентре покоя.
Ну а может быть, просто в сознании сдвиг?
От жары ведь бывает такое…

Только свечи горят, и я тоже зажгла,
Огоньком помогая рассудку…
А Мария Младенца мне вдруг подала:
«Подержи, отлучусь на минутку!».

Я взяла домотканых пелёнок клубок,
Тельце тёплое, глазки живые,
Покачала и в тихий ушла уголок,
А меж стенок металась Мария!

Покрывало она опустила до глаз,
Пятки в солнечном свете мелькнули.
«Ты куда, ты куда, ты куда же без нас?» –
Вслед апостолы шеи тянули!

«Ведь две тысячи лет! Ей наружу нельзя!
Что с землёю вобще неизвестно!».
Я, младенца качая, сказала: «Друзья!
Расскажу, если вам интересно.

Всё осталось, как было: луна и заря,
Ветер, море, осенняя стужа…
Только ваши старания были зазря,
Мне поверьте, я только снаружи.

Целых двадцать веков развлекался народ,
Светлым именем жгли, убивали…
Что, апостолы, думали наоборот?
Да, за дверью вы не побывали!

Что ж, я с этим поздравить вас только могу!
Я б сама между вами осталась.
Только, видно, ещё перед жизнью в долгу,
Ещё мало чего наглоталась.

Что ж, с судьбою не спорю… Продолжу рассказ:
Про игольное ушко забыто,
Хапать, резать и рвать ради денег – экстаз!
Пусть слезами и кровью омыто,

Лишь бы было моё! Что, не верите мне?
А ведь это покуда цветочки!..
Хиросима, Чернобыль, калек на войне
Производим… И вновь по цепочке:

Лицемерие, похоть, порнухи расцвет…
Ой, от страха младенец проснулся!
Кто ужастики видел? Таких вроде нет?
А для нас сериал растянулся

На две тысячи лет… Счас младенец уснет,
И продолжу вам повествованье…
Как у вас хорошо – просто полный улёт!
Мне бы тоже бы здесь проживанье

Получить – тёмной фреской на старой стене
Распластаться ! А вдруг пригожуся?
Нет, такое не светит покудова мне…
Ой, смотрите, вернулась Маруся!

Исцарапаны ноги и руки дрожат,
Сбито на сторону покрывало,
Гнева, горя исполнен затравленный взгляд…
Села на пол, ладони прижала
К побелевшим щекам и не в силах рыдать,
Мне в лицо долго-долго смотрела…
Словно силилась, словно хотела понять,
Как скатились мы до беспредела!

После хрипло сказав: «Побывала везде,
У меня ж измеренье другое…»,
Потянулась к кувшину, понятно – к воде,
Попила и продолжила: «Трое

Уходите! Потом ещё трое, ещё…
Чтобы все, ни один не остался!
Там – кошмар! Иоанн, ты, надеюсь, усёк,
Что напрасно твой друг распинался!

Ритуалы, хоругви, елейная лесть,
Хоры, звоны – а суть позабыта!
Уходите и будьте такими, как есть,
В вас, я знаю, душа не убита!

Может, кто-то когда-то за вами пойдёт…
Хоть надежда почти невидима.
Сына вновь не отдам, пусть со мною живёт
Мой ребёнок, мой мальчик любимый!».

И комочек тепла у меня забрала.
«Благодарствую, – хрипло сказала, –
Я тебя огражу от кромешного зла…».
И тихонечко поцеловала.

Я в блаженстве растаяла… Личность мою
Унесло, по горам разметало!
А опомнилась – вновь средь деревьев стою,
Только церкви, где я побывала

Нету… Вечер настал, звёзды в небо взошли…
Сколько ж времени я простояла?..

Что случилось со мной? Словно в звёздной пыли
Все заботы свои растеряла!

Может, всё-таки сдвиг? Или правда, была
Мать с младенцем, апостолы, свечи?..
Я по тёплой тропинке к горе побрела,
Ощущеньям не противореча.

Но о них не скажу никогда никому,
Кто ж поверит в моё приключенье?
Только, если когда повстречаю Фому
В мегаполиса столпотвореньи,

Или прочих апостолов, словно в бреду,
Догоню, брошусь милым на шею!
После рядом пойду. Что могу я to do?
Я ж эмоций сдержать не сумею!

4 сентября 2008 г.
Кассандра,
Элани бей,
Сосновая гора.

Рай

Перевёрнутый лист,
Ты пока ещё чист,
Ща исчиркаю, исполосую!
Чем? Без разницы, чем!
С этим нету проблем –
Может, фразами весь изрисую,
Иль открою тетрадь,
Чтобы пляж рисовать.
Нет, сейчас не имею охоты –
Ноги и животы,
Руки, ляжки… Ух, ты!
Есть огромные, как бегемоты.
Трудно изобразить, не вмещаются в лист
Желевидные бюсты-монбланы…
И на кой они мне, извините, сдались?
Не в длину, в ширину великаны!

Это всё – предисловье… Вот только к чему?
Абсолютно не предполагаю.
По тропинке иду и стихов кутерьму
На своё подсознанье слагаю.

Мир живой из себя что-нибудь народит,
Ну, а я опишу, набросаю…
Если пляжный табун мне поставит на вид,
Я вгляжусь в многотонную стаю,

И, возможно, пойму – что почём, что к чему,
Суть проблемы мгновенно прозрею,
Оболочкой телесною ум не займу,
Но духовность увижу за нею:

Тонкий, толстый, растенье, зверушка, кремень –
Это всё ведь в одном матерьяле!
Я задумалась, я примостилась на пень,
Разобраться хочу в карнавале –

В наших временных платьях! Мне нужен подсказ…
Что-то тихо у ног шевельнулось…
Я нагнулась – змея! В палец тюкнула раз…
Ах, зачем же я только нагнулась!

Кто бы, кто бы помог! Мне подняться никак…
Очевидно, сознанье теряю…
Да, придётся признаться – попала впросак,
На траву возле пня упадаю…

И на грани распада, почти что на дне
Снова чувствую жала касанье:
«Ну, змея, ты чего прицепилась ко мне,
Отработать желаешь кусанье?..».

Всё, закончен мой путь, закрываю глаза –
Там под веками молний зигзаги!
И тоннель, и полёт, и из детства коза,
И салюты, и пёстрые стяги…

Полетела! Но вот,
Лишь до ближних ворот,
Приложилась о них головою:
«Открывайте! Коза
Тоже, видимо, «за»,
И копытами бьёт подо мною!».

Приоткрылась калитка и вышел амбал,
В бороде поскребая спросонья…
Мне сказал: «Уходи, срок ещё не настал,
А коза твоя, точно, в угоне!
Вот её заберу! Зинка, как ты могла?
Что на землю тебя поманило?!».

И коза ускакала, как и не была…
Я ж к воротам себя прислонила;
Там за ними мне слышался шум, тарарам…
«Может, всё-таки пустишь? – сказала –
Зря я что ль по крутым пробиралась горам?
И змея вот меня покусала…».

Милостивец обратно поскрёб в бороде…
«Что ж, зайди, мы не будем внакладе,
Но у нас нынче утречко, как и везде, –
Обитатели не при параде…».

Чтобы не передумал – я втиснулась в щель,
Ну, а там всё почти что зеркально:
Тот бежит в туалет, тот не хочет постель
Оставлять ради радостей ранних…

Клеопатра у зеркала, Марс под щитом,
Так и дрыхнет, как под одеялом,
Волк с ягненком купаться идут в водоем…
Я такого нигде не видала!

Все довольны, цветут, словно сад по весне –
Зинка щиплет зелёную траву,
Лао Цзы из пустот улыбается мне,
И не хмурится Акутагава…

Что ему заморочки земные теперь?
Всё японское перезабыто…
Ну, а вон, в ресторанчик открытая дверь,
Мастер входит, за ним Маргарита…

К ним подходит Ахматова: «Пушкин не встал?».
Маргарита, смеясь, отвечает:
«Он с Нащокиным ночью в картишки играл,
Всё спустил и теперь отдыхает».

Рядом зрячий Гомер с Нефертити дуэт
Исполняет, на цитре играя…
Так прекрасно поют – просто сил моих нет!
С ними рядом остаться желаю!

Упрошу, умолю… Где начальники тут?
Нету? Разве бывает такое?
«Да, на небе седьмом без начальства живут,
Обитатели здесь на покое.

Всё само происходит – тоски и забот
Не бывает, и слов таких нету.
Остальное привычно: закаты, восход,
Астероиды, звёзды, планеты…»

Это что ж получается? Именно здесь
Всё, о чём на Земле я просила!?
Вон из Гоголя с Гегелем яркая смесь –
Вечность гениев объединила!

Нет вражды?.. Это как – я понять не могу!
Нет наживы, стремления к власти!
Не спешат, как у нас, на лету, на бегу
Утолить нездоровые страсти…

Нету этого здесь! Беззаботность одна
Управляет счастливой толпою!
Хочешь кисточку – на! Хочешь красочки – на!
Что захочешь – всё будет с тобою!

Не рисуется? Так полетай в вышине,
Напитайся космическим хладом.
Хочешь спутников? Может кого-то извне?
Лишь подумай – они уже рядом.

«А какой здесь язык?». «Он не нужен совсем,
Мы друг друга и так понимаем.
Разделительных нет языковых систем…
Лишь когда на земле мы бываем,

Ну, взглянуть захотим, как людишки живут,
Пусть бессмысленно… но интересно.
Там болтаем на всех языках! Ну, а тут…
Тут без слов всё отлично известно».

Вон, под кроной сосны Кришна флейту к губам
Прислонил, рядом пляшут наяды,
И пророк Мохаммед, позабывши бедлам,
Что его почитатели рады

Учинить на земле, сочиняет стихи,
Гроздь стихов – продолженье Корана,
Рядом Чехов пригрелся, и оба глухи
К человечьим духовным изъянам.

«Всё оставили там, на планете людской,
Ничего к нам сюда не попало…
Лишь тебя мы пустили на время… Постой!
Ты куда же в кусты поскакала?

Вон он – твой поворот и аркада ворот,
Уходить тебе время пробило,
Вновь на землю, вовне…
Что прильнула ко мне?

Очень уж нашу жизнь полюбила?
Не грусти, относителен времени бег,
Ты когда-нибудь…». «Нет! – я сказала. –
Я желаю сейчас, мне возможен успех!
Помогите! Судьба забодала!».

И Гомер, и коза тоже стали просить.
Я же ныла, рыдала, зудела…
И услышала: «Ладно, хорош голосить,
Здесь останешься, с нами, Земля же носить
Будет лишь твоё бренное тело.

Ну и мысли, и чувства совсем в небольшом,
В минимальном количестве станут
Беспокоить тебя! Основной же объём,
То есть, ты, как такое ни странно,

Здесь пребудешь, в своей постоянной судьбе,
В окруженьи своем постоянном!».
Тут коза подбежала, воскликнула «бе-е!»
И меня в матерьяльные страны

Унесла! У ворот улыбнулся толстяк:
«Что ж, до скорого!». Сосны, иголки,

Море плещет внизу… Ну, раз так – значит так!
Это ж временно – ёлки-метёлки!
И вопрос раздвоения здесь не при чём,
Я, как прежде, цела и едина.
Моей личности неразрушимый объём
Проскочил раздвоения мимо.

Там, где Пушкин, наяды, Гомер и коза –
Там я вся! Но и в соснах у моря –
Тоже вся! Раскусить эту хитрость нельзя,
Можно лишь подчиниться, не споря!

Вновь по тропке иду, где-то дремлет змея,
Сосны в небе, как звук аллилуйя,
Иглы, шишки кругом, рядом Зинка моя…
«Нет, нельзя тебе дальше!». Целую

Её лобик крутой и, похлопав рукой
По хвосту, её в рай отправляю…
«Там меня отыщи и со мною постой
У калитки, меня поджидая!».

Вот явился внизу городочка интим;
Танцы, песни, веранды мерцанье!
Слева лестница к аппартаментам моим,
Где имею пока проживанье…

Ну, а завтра… Иначе уже не смогу!
Рано утром иль после обеда
По тропинке знакомой я в Р ай побегу,
Чтоб козу дорогую проведать!

7 сентября 2008 г.
Кассандра,
Змеиная гора.

Одиссей

«К брегу крутому пристав с кораблем потаенно вошли мы
В тихую пристань: дорогу нам Бог указал благосклонно».
Гомер, "Одиссея".

Листы, где что-то начиналось,
Остались дома… И сейчас
Придётся уж в который раз
Всё то, что в памяти осталось,
Стараться записать по-новой!

Но… лень мозгами шевелить…
Пускай сама сюжета нить
Совьётся и пускай готовый
Рассказ в тетрадку упадёт!

Ну, начали – и сосны вот,
И где-то птичка чуть стрекочет…
(Стрекочет, точно, не поёт!)
Здесь всё так странно – здесь полёт
Меж сосен в море! Приурочит

Пускай судьба сиденье тут
И написание поэмы
К минутам счастья! Подождут
Энергоёмкие проблемы,
Пускай в другие дни придут!

Потом, когда в Москве зимой
Завоет вьюга, снег залепит
Стекло окна, и лишь порой
Воспоминании жалкий лепет
Напомнит солнце, моря блеск,
По бархату ночного неба
Луны скольжение и плеск
Дельфинов… И уйдет, как не был,
Мой отдых, буду я в Москве…

Ну, а пока – зачем об этом
Грустить? Здесь Греция и лето,
И хмель весёлый в голове!

Нет, продолжение поэмы
О мушкетёре и Петре
Писать не стану – всё! Пере…
Переступила их проблемы.
Они остались во вчера,
Мерси, адью et cetera!

Сейчас я в Сивири иду,
Там прикупить Марише щетку,
Собакам в баночке еду
И пасту… Так себя веду
Со дня приезда: мысли чётко
Настроены – гулять, ходить,
Активный отдых проводить!

Иду, тропинки крутоваты,
Но что поделаешь, иду…
Здесь, в Греции, свою беду
Оставлю! И пускай крылатый
Сын Майи унесёт её,
А я останусь, ё-моё!
Психеей, на Любви женатой,
На Вере, Доброте, покое –
Ну надо ж, счастие какое!

Иду… Вот лифт, ступени вниз
Уходят, словно в море прямо.
Ща искупнусь! Ну, панорама
Кругом – в голубизне слились
Стихии, горизонт пропал,
В воде прозрачной камни видно,
И чайки кучкою солидной
Летят куда-то мимо скал…

Но почему так много их?
Десятков пять – большая стая!
Ага, корабль сопровождают.
Откуда только он возник?

Старинное сооруженье,
Лишь в книжках на картинках я
Такие видела. Движенье
Замедлил, миновать меня
Не собирается, беззвучно
Тяжелый якорь соскользнул,
И встал корабль, словно уснул,
Длиннейшим плаваньем замучен.

«Арго»? А может, не «Арго»…
В те времена их много было.
Я удивленье затаила,
За камень спряталась… Ого!
Античный парусник! Откуда?
Решили боги удивить?
Не выйдет… счас на чуде чудо –
И Интернет, и бороздить
Просторы космоса умеем…
Уж чем мы только не владеем!
На что нам Ариадны нить,
Судьба и приговор злодеям,
Мы ж знаем – всех должны казнить
И возражений не имеем…

Я затаилась… ствол сосны
Меня надёжно прикрывает,
Конечно, счас корабль растает…
Не тут-то было – уж видны
Гребцы, плечистый капитан,
Герои-полубоги рядом,
На низкий берег сходит клан,
Качнулась на носу наяда…
Нет, не наяда, то богиня –
Знать, посвящен корабль Афине!

Из Трои, видимо, авто –
То Одиссей стремится к дому…
Коль расскажу кому другому,
Ведь не поверит мне никто!

Но здесь не должен он пристать
По эпосу! Иль не узнать

Не проследить певцу слепому
Весь долгий путь царя до дому!

Гомер подробно описал
Всё, что и так Эллада знала,
То, что руками осязал,
Ведь был слепым… Существовало
Ещё стоянок семь… И вот
Я вижу: дивные герои
На берег сходят. Кровь и пот,
Остатки драки возле Трои,
Отмыли в море; на костёр
Сосну свалили, рядом сели,
На вертел мясо навертели,
Собака с ними – сенбердвор,
И разлеглись, камней узор
Использовав взамен постели.

Я затаилась, не дышу…
Вдруг сенбердвор ко мне примчался!
Ретив и молод! Малышу
Враг за сосною примечтался!

Пришлось мне выйти: «О, друзья! –
Античным витязям сказала, –
От вас отдельно, право, я
Ни мига не существовала!
Поэтому, наверное,
Иль вас ко мне, или нахально
Меня к вам кинули! Во сне
Всё происходит иль реально –
Не знаю! Да и знать зачем?
Про вас слыхала от Гомера.
Он сотни многомудрых тем
Великим оснастил примером
Деяний ваших!». Речь мою
Воспринимали с интересом.
Потом Аякс сказал: «Попью…
Избавлюсь чашею от стресса».
Плеснул богам и осушил
Большую чашу. Между делом

Закуску быстро сгоношил…
Я б меж героев посидела,
Коль пригласят, конечно же,
Ведь я, простите, в неглиже…

Но хитроумный Одиссей
Хламиду на меня накинул,
И я уселась меж камней.
Мне кто-то чашу пододвинул
И наконец спросил: «Кто ты?».
Пригубивши вино с водою,
Ответила: «От вас не скрою
Своей плебейской простоты.
Художник я. Почти вас всех
Рисую, красок не жалея,
В двадцатом веке. Есть успех
На выставках и в галереях.
Теперь вот сравниваю – всё же
Похожи, до чего похожи!

Меж вами в Трое я была,
Смотрела на её пожары,
Афере конской помогла,
Совалась в пекло, под удары,
Чтоб всё увидеть, рассмотреть,
По-видимому, точно знала,
Что не судьба мне умереть
Меж вас, что я из сериала
Позднейшего! И вот сейчас,
Вновь поместив меня средь вас,
Судьба нам фокус показала!
Но у меня соблазн большой –
Законы времени потрогать…».
Тут кормчий пробасил: «Постой!
Сперва согласия у Бога
Спроси и, если заимеешь…
Потрогай! Может, и сумеешь».
Я не противилась – без слов
С огнём напитком поделилась
И мысленно сдалась на милость
Крутых языческих богов!

Потом из чаши отпила
И вдохновенно продолжала:
«Да, между вами я была,
И с амазонками скакала,
И Ахиллесова пята
Обидела меня, не скрою…
А в остальном – ну, красота:
Кровь, вопли, мертвые герои…
И конь в конце! Ты, Одиссей,
Не зря зовешься хитроумным:
Циклопов, пифий и цирцей
Уделать можешь! Пиром шумным,
Убийством пьяных женихов
Всё завершить – метёлки-ёлки!
И поколения дивить
Уже две тыщи лет на полке
На книжной! Всё не рвётся нить
Восторга, слёз, переживаний!
Мы, сотрясаясь от рыданий,
Читаем именно про вас!!!
Что, нереален мой рассказ?
Вы недоверчивы! Айда
Со мною в Сивири – там книги
Про ваши жаркие года,
Про ваши подвиги, интриги
Про ваших яростных богов –
Там в книгах миллионы слов!

Да вы умеете ль читать?
Ах, недосуг учиться было!
Умчались подвиги свершать,
Презревши ручку и чернила!
Но нынче век совсем другой,
Так что не проходите мимо
Ликбеза! Кормчий, дорогой,
Вам грамота необходима!
Из книг узнали бы о всём,
Что с вами далее случится,
Как царь на Итаку примчится
И снова обретёт свой дом…
Прочли бы всё – зачем трудиться,
Убийства, подвиги свершать?

Ну что, пойдёте? Вам решать!
Ведь может магазин закрыться… ».

Задумались герои: «Нам
Не осложнишь ли бытовуху?
Не завершить похода – срам!
И можно схлопотать по уху
От Артемиды, Зевса, Геры…
И это только полумеры!
Они ведь могут…». «Бросьте, вы!
Две тыщи с лишним лет минуло.
Всё изменилось – не правы

Все, кто сторонится от гула
Эпохи нашей – катаклизмов,
Политики, идей, марксизмов!
У нас, поверьте, интересно,
И ужасов не меньше, честно!

Ну что, потопали, герои?
Все оперенья и щиты
Давайте под сосной зароем,
Законы жанра не просты:
На бедра туники спустили?
Меж ног заколкой их скрепим,
Банданы в молодёжном стиле
Повяжем! И не нужен грим –
В трусах идут туристы-греки…
Подумаешь, здесь все гольём!
Ну, шевелитесь, вверх пойдём,
По тропке в сосны, до аптеки…
Здесь два шага – прикупим крем,
Что при загаре помогает…
Нет, вам не нужен он совсем,
Он для меня. Я ж в вашей стае
Одна почти не загорела,
А вы черны до беспредела!».

На горку влезли – сосен строй,
Под ними виллы обитают;
Не слышно моря под горой
Затем, что музыка лихая

Орёт повсюду, не уймётся,
На головы героев льётся!

Они балдеют… Волоса
В банданах стали шевелиться…
Умеет доставать попса!
Да ещё вдруг навстречу мчится
Мерс! Я струхнула… Мой отряд
Попробовала гнать с дороги!
Куда! Упёрлись и стоят,
Не в силах передвинуть ноги!
Подавши мерседес назад,
Владелец вышел: «Из дурдома
Экскурсию ведёте, гид?» –
Мне раздражённо говорит.
Я извинилась… Мне знакома
Такая степень обалденья
До полного остолбененья!

Объехал группу мерседес
И скрылся, происшествий без…
Я ж поняла – без приключенья
До магазина не дойдём…
Ну да, конечно, мы – дурдом,
Не может быть другого мненья.
Опасно в веке двадцать первом
Античный воскрешать народ,
Наверно потому поход
Мне начал действовать на нервы.

Сказала мрачно: «Извините,
Герои! Дальше не пойдём.
Вы ж сами видите – облом…
Однако время не вините,
Себя – тем боле, и меня…
Но чтоб на Итаку добраться,
Вам к лодке нужно возвращаться,
И как зайдёт светило дня,
Поевши, отдохнув, конечно,
Свой изумительный вояж
Продолжить! Я же вас, сердечных,

Вниз провожу, в восторге аж
От нашей встречи! Помашу
Платочком белым на прощанье,
И наконец моё купанье
В волнах зелёных завершу.

Так мы и сделали – вернули
Корабль в залив, из-под камней
Щиты достали и… скорей…
Чтоб успокоиться – прильнули
К гигантским чашам – раз, два, три…
Еда была совсем готова,
И вот, пригубивши поновой,
Успокоенье обрели!

Потом, закинув чаши в море,
мы обнялись… На лоно вод
Скользнул гомеровский оплот
И сгинул в голубом просторе…

Я долго с берега махала…
Потом хватилась – плащ забыл
Великий Одиссей! Нимало
Не сожалея, вдаль уплыл!
А мне судьба презентовала
На память ветошь… Что ж, возьму
И увезу его в Москву!

Там, в мастерской, тряпья навалом,
На антресоли плащ заброшу,
Для натюрморта он хороший…
В моей высокой мастерской
С ним напишу мотив морской.

Есть у меня ещё вещички:
Кувшины, кубки, свечи, спички –
Все поучаствуют – ого!
Картина будет ничего.
Багетом золотым оправит
Её Димитрис, и прославит
Она меня в который раз!

Ну всё, до точки добралась.
Мне было оченно приятно
Общение с легендой, но…
Я рада – кончилось оно,
И без потерь! Теперь в приватный
Мир возвращаюсь, к трафарету,
Здесь времени изгибов нету.

Но изредка, закрыв глаза,
К лицу тряпицу прижимаю…
Ломает сердце тормоза –
Вновь запах сладостный вдыхаю
Смолы и моря, и кострища –
Легенды милой пепелища…

15 сентября 2008 г.
Кассандра, Греция.

Мушкетер

«Я ушел, ибо пребывание в этой обители
несправедливости ничто иное,
как пустая трата жизни».
Омар Хайям.

Хочу я или не хочу,
Обратно мне дороги нету!
И как я просьбы не шепчу –
Не повернуть кабриолета,
Лечу, без удержу лечу!

В кабриолете мы втроём:
Мои усы, мадам и шпага,
Ещё присутствуеют отвага
И правил рыцарских дурдом!

Мадам мою унять, увы,
Нельзя – цветочки полевые
Сорвать ей нужно, до Москвы
Домчать – из Франции в Россию!

Мотивчик миленький поёт…
«Мадам! Молчите, здесь опасно…
Возница, побыстрей-ка, влёт!
Места открытые, всечасно

Из-за кустов, из-за бугра
На нас навалятся, возможно…
Нет, раскидать мне их несложно!
И всё ж умолкни, будь добра!

Шлагбаум минем полосатый,
Тогда ори, хоть разорвись!
Россия – там такая жизнь,
Что даже, даже сам распятый,

Я знаю, был бы удивлён…
Да вот, пожалуйста, и он».
Стоит скульптура у дороги,

Под ней свеча – не без того,
И грустно смотрит божество
На пролетающие дроги,
На пыль, на шпаги, эполеты,
Кареты и кабриолеты…

Повиснув на кресте, молчит
Раскрашенная деревяшка…
Но… как живой! Копьём пробит
Живот, и белая рубашка
В кровавых пятнах… Нам резон
Остановиться, помолиться –
Таков неписаный закон!

Тут перед нами и криница,
Колодец, то есть – пыль отмыть
С лица перед молитвой надо,
Потом с распятым говорить…

Но крест пустой! Ты, вижу, рада,
Что вот идет навстречу нам
Исус, венец в кусты закинул,
С застывшей кровью пополам

Из рук и ног железки вынул,
Остановился и спросил:
«Ну что, друзья, с собой возьмёте?».
Высок и строен, полон сил…

Я ляпнул на автопилоте:
«Ты что, распятый? Ты – Исус?».
Кивнул: «Вовнутрь кабриолета
Пропустите? Я пригожусь,
Мои духовные заветы,
Что повторяют наизусть,

В России нужно обновить,
Там люди очень матерьяльны:
Болтливы, вороваты, сальны –
И это вызывает грусть».

Мы в затрудненьи… Шок у нас…
Ты драться, ты сражаться сможешь?
Иль как тогда – мороз по коже –
Спокойно выполнишь приказ
И дашь распять себя?». «Ну что вы?!
Я ж здесь две тыщи лет висел!
Такое в людях рассмотрел –
Беспомощны и безголовы…

Дадите, может, мне штаны?
Неважно, что великоваты.
А меч зачем – ведь нет войны,
Ещё бы предложили латы!..

Пищаль мне тоже ни к чему,
Вобще оружьем не владею.
А вот венок цветов на шею
Из ваших рук, мадам, приму!

Всё замечательно, ребята!
Какой стремительный побег!
Готовы все? – Тогда в ковчег,
То бишь в кабриолет помятый

Садимся, быстренько садимся,
И может, под вечер домчимся
В Санкт-Петербург, на невский брег!
Потом, возможно, до Москвы…
А кстати, кто вы и откуда?».

Но дальше диалог не буду
Тянуть, читатели правы,
Решившие, что я зануда.
Мне и самой поднадоело –
Бывает, занесёт меня…
Мы просто едем – три коня
Нас мчат в российские пределы.

Шлагбаум минули средь тьмы,
Никто нас вроде не заметил,

И вот на раннем на рассвете,
В разгар петровской кутерьмы
В столицу прибыли! Не светел,
Но озабочен взгляд Петра –
Он корабли вооружает!
У пушек пушкарей сажает,
Войны надвинулась пора.

Там маршируют – ать и ать!
Там построенья непрерывны,
Царь хочет русским доказать,
Нетрезвым, темным, примитивным,

Что им нужна земля чужая –
Окно в Европу или дверь,
И это стоит всех потерь,
Всех жизней, что война сглотает…

Возле царя остановились –
И посмотрели – ишь, какой!
Мелкоголовый, но большой…
Потом сказали: «Царь, постой!
Чем заниматься чепухой,
Ты посмотри, с кем мы явились!».

Он обернулся: «А, Исус!
Со мною рвёшься на скандалы?
Есть у меня попы и пусть
Справляют службы, ритуалы!

А ты с идеями своими,
Призывом вредным и пустым –
Не убивать – сейчас по вые
Схлопочешь! Видишь ли, хотим

Мы землю воевать чужую,
И без убийства нам никак!
Так что иди, гуляй, чудак,
Мы без тебя просуществуем!

Любить людей, отдать рубашку –
Глупее выдумать не мог!

Попы исправили промашку,
А то бы мне и невдомёк,

Как с россиянами справляться,
Чтоб волю совершить мою…
Чего стоишь? Я не люблю
Помех! Преображенцы-братцы!
Тащите-ка его в лесок,
Ну и назад не возвращайте!
Да говорить не позволяйте…».

Мы онемели… между строк
Всё поняли! Я заорал:
«Исуса тащат, налетайте!».
Сначала в шоке был причал,
Потом здесь начался аврал
Такой! Читайте – не читайте,
Представить этого нельзя!
Как будто бог войны проснулся:
Один дрекольем замахнулся,
Тот топором, а тот пилой!
Я в гущу кинула – бог мой!
Рубил, как будто бы рехнулся!

Мы всех, конечно, раскидали –
Преображенцев и Петра!
К кабриолету побежали –
«Учитель! Поспешай, пора!
Пора тикать от этой швали…
От диких царственных расправ,
Что уж нависнули над нами,
И от попов, что пузырями
Застыли, рты поразевав.

Мадам, скорей, я знаю, вы
С царём не сможете поладить!
Сейчас домчимся до Москвы,
Там с длинным Петею в разладе
Бояре старые, они,
Возможно, нам помочь сумеют…
Иль нет, не стоит – вдруг затеют
Против него комок возни!

Да, очень может быть – злодеем
Объявят, будут вновь судить
И распинать… Давай левее!
Не привлекают купола,
Котлы, кипящая смола

И лобно место, где алеет
Кровь казни, что вчера была…».

Москву проехали… Урал.
За ним скиты самосожженья,
Суровых старцев наставленья,
Весь изуверский сериал.

«Что загрустил? Вон, слышишь пенье,
Идущее из-под земли?
То дети, коих привели
На огненное вознесенье…».

Он вслушивался, он молчал…
Когда ж трава у ног затлела,
Воскликнул: «Есть всему пределы!
Такому я не обучал!

Уж лучше снова у дороги
К Кресту пришпиленным висеть,
И сверху с жалостью смотреть
На мир, жестокий и убогий,
Чем вмешиваться в ваш дурдом
И принимать участье в нем!».

Мы поняли: «Что ж, довезем!».
И вновь кабриолет помчался –

Урал, Петрушино окно…
И наконец-то, вот оно,
То место, где нам повстречался
Крест… Он стоит теперь пустой.
Иосифович чуть подумал,
Сказал: «Нет, лучше на покой

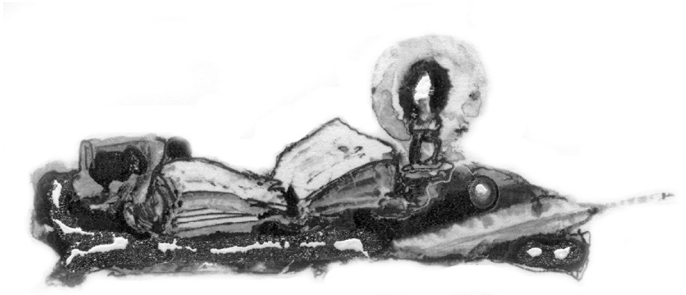
Уйду, не сладить с вашим бумом!
Ведь я же знаю, что вас ждёт
На много сотен лет вперед!».

Нам поклонился, попрощался,
И в лес тропинкою ушел.
Ему, конечно, хорошо!
Но мы-то ждали, чтоб вмешался!
Чтоб вновь по полкам разложил
Нам жизнь, и славу заслужил
Не обязательно распятьем… –
Ведь мы б его любили, братья!

Не вышло – видимо, не срок…
Лишь крест пустует у дороги,
Горит свеча, лежит венок,

И гвозди, что вонзались в ноги,
В сухой траве без примененья
Лежат как предостереженье.

11 сентября 2008 г.

Будда

«Мудрец не привязывается ни к чему,
поэтому не способен что-либо утратить».
Лао Цзы.

Сиддхартха, Будда – это ты
Придумал – ничего не надо!..
Твоей духовной красоты
Моим неохватимым взглядом
Мне не усвоить, не понять!
Хоть очень, очень бы хотела –
Отправить на фиг моё тело,
Да и самой туда слинять!..

Туда… Куда? Вопрос вопросов!
Уж миллионы долгих лет
Мы бьёмся – а ответа нет,
Нас вечно оставляют с носом.

* * *

Вот с ним оставленная шла,
Конечно же, топча иголки.
С природой не было размолвки,
А вот с самой собой – была!

На полках «Николау-папы»
Нашла инжиры, виноград,
Купила и пошла назад,
Он, Николау, стал как брат,
С ним одолела все этапы
По продовольствию! Потом

На пляже кофе потребила
И вновь направилась в свой дом,
В Эланибей! Перо не в силах
Дорогу в соснах описать:
И воздух, и морские дали,
Скамью, где сотни отдыхали
И ещё будут отдыхать…

Я плюхнулась, глаза прикрыла:
«Ах, Будда, ты, конечно, прав!
Но мой смирить мятежный нрав
Покуда я ещё не в силах».
Глаза открыла – нет горы,
Вокруг равнина, очень жарко,
Смотрю – баньян, под ним Сиддхартха…
Резвится куча детворы,
Бельё девицы к пруду тащат,
Во двориках еда кипит…
Сидит Сиддхартха, будто спит,
К нему никто из проходящих
Не обращается… И он
Не говорит, не смотрит. Дремлет?
Да нет, не для того на землю
Был кем-то свыше привнесён!
А для чего? Не для меня ли?
Коль наши судьбы здесь совпали,
Попробую пройти сквозь дрёму
К нему, словно к родному дому.

Присела рядом… Он глаза
Чуть приоткрыл, увидел, сдался:
«Явилась? А я уж заждался!
Ах, ты, заблудшая коза!
Блуждаешь на горе, в Элани,
У моря… а тебе бы ране
Ко мне прийти! Ну, ладно уж,
Я не намерен мелочиться…
Пойдём, пойдём к твоей водице,
Обсудим вашей жизни чушь…

И вот с ним рядышком иду.
Сиддхартха – бронзовое чудо!
«Ты для меня пришёл, мой Будда?»,
«А как же! Счас твою беду
Я уничтожу, как простуду!».

В кафешку на берег пришли…
«Что, здесь беседою займёмся?
Иль в соснах на горе преткнёмся?
Мне всё равно – ты говори,

Где лучше?». «В соснах меньше солнца».
Пришли к скамейке наверху…
Ни кофейку, ни сахарку
Не нужно – времени в обрез!
Ведь мы ж расстанемся, я без
Него останусь! Думать даже
Не стану о подобной лаже!

Моя скамейка нас ждала…
Речь Будды краткою была,
Сказал он: «Бросить ты должна
Детей, любимого супруга,
Друзей… Что хмуришься, подруга?
Ко мне не приговорена!
Расстанемся? Иль продолжать?
А… слушаешь… Должна послать
Подальше мать, отца, подружек,
Саму себя… В такой вот стуже
Сумеешь просуществовать?
Не плакать, не скулить, не ныть,
Оледенеть душой, застыть,
Забыть о жалости, ни разу
Не посочувствовать и глазом,
И глазом даже не моргнуть,
Когда убьют кого-нибудь
Из маленьких, из беззащитных,
Родных, любимых… Неусыпно
Всё знать – где горе, где война,
Но чтоб ни капли сожаленья!
Ну как, удовлетворена
Моим прекрасным наставленьем?
Исполнишь? Значит, по рукам!
Лишь только так земной бедлам
Ты сможешь вынести… Понятно?
Что губы морщишь, неприятно?».

Я еле слышно отвечала:
«Нет, Будда, так я не смогу…».
Промолвил мрачно он: «Угу…
Зачем тогда ко мне взывала?».

«Ты сам пришел!». «Нет, ты звала!
Покоя, видишь ли, хотела…».

Я молча рядышком сидела,
Шокирована до предела,
Уж больно жесткою была

Программа… «Думай», – он сказал,
Сосны иголку пожевал
И вниз пошел… А я осталась,
Нет, следом даже не пыталась
Бежать… Я думала – ну, да,
Коль откажусь от всех стремлений,
Не станет больше огорчений,
Переживаний, сожалений,
Минуют горе и беда…
Ведь если прекратить желать,
То неудач, потерь не станет,
Как просто – счастье в чистогане
Останется! Так что же мать
Мне ранее не подсказала
Такой беспроигрышный пас!

А может, лучше, что сейчас
Я жизни истину узнала
В период зрелости, под вечер…
Вон в соснах он уже настал,
Туман на иглы набежал,
Луна мелькнула, как предтеча
В душе большого перелома.

Сиддхартха, ясно, я с тобой!
Спасибо! Всей своей судьбой
К тебе, словно к родному дому
Я прилеплюсь! Но только ты
В сомненья горькие минуты
Будь рядом… «Да!» из высоты,
Из тёмных волн, из пустоты
Пришел неведомым маршрутом
Ответ… Я встала со скамьи,
Пошла на огоньки Элани,

Где мягкий коврик на диване,
Где ежевичные кусты,
Тамара, супермаркет, пляж,
И сосны, сосны, сосны всюду…
Сюда придёт Сиддхартха-Будда
На мой прекрасный вернисаж…

Чтоб перед ним не подкачать,
По тропке двинулась в низину –
Закончить старую картину
И утром новую начать.

Я шла, луна за мною шла,
Сквозь сосны на меня глядела,
И звёздам не было числа,
И счастью не было предела.

11 сентября 2008 г.
Кассандра.

Путь во Флоренцию

поэмка

Я снова в соснах – счастие какое!
Вновь атмосфера тишины, покоя…
И моря горизонт высокий-превысокий,
И волны шелестят… Как жаль, что близко сроки.

Отсюда уезжать. Что ж делать – мир цикличен,
Порядок стар и, безусловно, симпатичен:
Сначала в небеса, а после мордой в лужу,
И снова высота, потом опять контужен,

Перетурбацией – опять пожалте в тело!
И так до крайности, то бишь до беспредела.

Но счас я в соснах, и не место рассужденьям,
Здесь вечность стынет – ни минуты, ни мгновенья
Здесь нет, нет даже лет…
Здесь вечность – всё и точка!
Такая славная сегодня заморочка.

Что ж, увертюра мертвой падает на ложе…
Сюжету место, он сдержать себя не может,
Наружу рвётся, а тетрадка есть наружа!
Итак, поехали… Бог мой, какая стужа!

Зима, и сани, запряженные четвёркой,
Снег по щекам сечёт, как будто крупной тёркой…
Во, в поле вырулили, ну, мороз, однако…
В такой денёк хозяин и свою собаку

Во двор не выгонит, пусть в будке отдыхает…
А мы вот едем, и метель не утихает,
Снег лепит оптом… Вдруг (Всегда вот это вдруг
Меня преследует, как насморка недуг!)
По курсу пальма, и растёт, не засыхает…
На ней кокосы, золотистые бананы,
Висят лохматые шалуньи-обезьяны,

Под нею тигр гуляет, бегают тигрята…
Ты что, рехнулся? Ведь зима же, полосатый!
Глаза желтеют, вроде светятся улыбкой,
«Вы зиму минули, по плану иль ошибкой –

Не знаю… Только рядом вьется Амазонка –
Река такая, не нахальная девчонка
С мечом и стрелами… Нет, та была в Элладе.
А здесь Америка, здесь инка (будь неладен!),

Жестокий и крутой; вон там его столица…
Да бросьте вспоминать, что где-то снег валится,
Что белые поля, что почернели трубы…
Свершила круг земля, снимите ваши шубы!

Переместились вы во времени, пространстве.
Никто не властен расписаться в постоянстве
Божественных утех, невиданных фантазий!
И размещенья тех, кто для таких оказий

Назначен! Вы теперь в другой жестокой драме:
Рулады слышите? То пение при храме.
Ведут ступени вверх, стоят жрецы с ножами –
Утеха из утех, сейчас взглянёте сами!

Наверх по лестнице косяк людей возводят,
Сейчас прирежут их при вас и при народе,
Чтоб урожай иметь, чтоб дождь полил обильный!
Ну что, слабо смотреть, как слабого всесильный

Уничтожает? Ой, скривились, отвернулись…
Не парьтесь, всё уже закончилось – пригнулись
Красавцы-юноши, жрецы их умертвили
Под пенье сладкое в молитвах попросили
И дождь, и урожай – согласье боги дали
И приняли взамен телесные детали.

И вот уж дождь идет! Горячий – прям парная!
Во двор быстрей, там лёд и прорубь! Уж не знаю,

Как тигру-то нырять? Замерзнет полосатый…
Похоже, не хотят купаться и тигрята.

Ещё простудятся… как знать… по вашей квоте
Им не существовать! «Ну и чего вы ржёте? –
Папаша прорычал, – прощайте, дяди, тёти!».
И в белом мареве семейка растворилась…
А мы опять в санях, вновь изморось забилась

Во все места! Ведь шубы-то на Амазонке!
Эх, ма, сейчас любой бы рады одежонке,
Иль постоялому двору, или избёнке…

Чтоб в печке уголёк, чтоб лишь за дверью ветер…
Всё, пропадаем, жизнь нам более не светит.

Молчим, скукожились… Но сани наши встали,
Забор или стена, нам не проехать дале…
Ворота скрипнули, нас как сосульки кто-то
Стащил сперва с саней, потом втащил в ворота,
Потом по лестницам, по мраморным, ковровым…
Мы стали оживать! Каким спектаклем новым
Нас здесь порадуют? Исподнее содрали,
И больше нечего снимать… В бассейн спускали
По одному – ведь может всякое случиться,
Такие мёрзлые – мы можем и разбиться.

Водичка тёпленькая, нам она сгодится
Для окончательного таянья… Ребята!
Мы из бассейна вылезаем – это ж дата
Рожденья нового! Теплы и пол, и стенка,
Халаты хлопковые тёплого оттенка,
Обслуга ласковая – вон подносят узу
Для обогрева и сердечного союза!

А после в зал сопровождают. Это где мы?
В жилье цивильном! И чего там теоремы

Разгадывать… Вон сам, средь сонма бородатых…
«Вам ничего, не срам, что мы пришли в халатах?».

«Да ладно, – говорит хозяин, – ритуалы
Забудем! Спасены – и ладно. Разве мало,
Что живы, веселы – вон кубки, вон котлеты…
Какая разница, в какой прикид одеты!».

Мы разомлели… За приют благодарили,
За хлеб, спасение и вежливо спросили:
«Вы кто?». «Мы – Медичи! Ужели не узнали?
Сегодня наш собор достроили и сдали!

Народ в восторге – пир! Вы вовремя поспели!».
Мы успокоились, котлеточек поели…

И вышли на балкон – кругом народу море!
В щелястых улицах, на площадях в просторе,
И всяк свистит, орёт, старается, как может,
Козимо чествуют! И нас в халатах тоже…

А городок хорош – так строг, так благороден,
Ни пошлой роскоши, ни Пети, ни уродин
Двухсотэтажных… Эх, позволили б остаться!
А вдруг, а вдруг… пожалуй, стоит попытаться!

Мы попытались – и согласье получили!
Халаты сняли с нас, в камзолы облачили
И шляпы выдали – ну кто теперь нам нужен?
Ни обезьяний рай, ни северная стужа…

Ни путешествия – ничто не привлекает…
Душа и ум, и сердце – всё здесь отдыхает.
Под колоннадами… Здесь всюду колоннады…
Перемещаться больше никуда не надо,
Одно гуляние, беседы и гульянье –
Здесь во Флоренции такое состоянье.

7 октября 2008 г.
Селятино уже.

Стихи

Происшествие

Я сообщу вам, что со мною приключилось,
Вчера на улице оно произошло:
Я руку подняла, такси остановилось,
И вместе с ним остановилось в мире зло.

Я к дверце подошла: мне б сесть, а я в испуге –
Вдруг, заурчав, мотор запустит ужас вновь!
Стою… всё нету зла… Подходят две подруги,
Меж них лишь доброта, и дадость, и дюбовь.

«Вам тоже ехать? Что ж, садимся, дорогая!
Давно не виделись, наговоримся всласть!».
Я сильно напряглась, я ног не отрываю
От мостовой, на милых девушек косясь.

Прелестный рыжий кот потёрся о ботинки,
Синица пискнула… Ну сколько ж мне стоять?
Мы сели. И опять вернулось Зло, опять
Перед глазами вновь знакомые картинки…

О них писать? На то не хватит жизни целой!
Представьте лучше, что в машину я не села!

11 апреля 2006 г.

* * *

Какое чудо – снова снег,
На ветки снова уложился!
Нет, это мне не сон приснился:
На краткий миг остановился
Весны стремительный разбег.

А то ж вчера – такая грусть:
Щебечут птицы, солнце греет…
Зато сегодня двор белеет,
И кот желанья не имеет
Вопить рулады наизусть.

Такая утром тишина,
Как в самых распрекрасных грёзах,
Иль при убийственных морозах,
Когда распутница-весна
Ещё не угрожает светом,
Травой, цветочками и летом.

Нет, свет, конечно, уж пришел!
Иначе как бы рассмотрела
Сей неожиданный прикол –
Мир, что за окнами расцвёл,
Такой некалендарно белый!

21 марта 2006 г.

* * *

Христос не мог воскреснуть, он не умирал!
Он просто в мире отыграл для нас пиесу.
Конечно, супергениально отыграл,
Смотрели мы с непроходящим интересом,
Поражены до изумления, до стресса –
Какой сюжет, какой накал, какой финал!

Другие, да, они базарили всерьёз:
Пилат, апостолы, Иосиф с Магдалиной…
Являлись почвою, необходимой глиной,
Необходимой, чтоб Завет его пророс.

А он был Истиной! Ну мог ли умереть
Хоть на секундочку? Impossible, невозможно
Нам говорил об этом часто. Допереть
Умом практически, казалось бы, несложно…

Но… не допёрли. Нам милее во сто крат
Все в блеске батюшки, все в золоте киоты
И хор, набравший неплохие обороты
И дружно славящий бессмысленный обряд.

21 апреля 2006 г.
Страстная пятница.
Утро.

Мите

Подожди нас в полях асфоделей,
Я прошу, дорогой, подожди…
Дальше вместе пойдём. Впереди
Много разного нам навертели.

Говорят, разобраться должны
В поведении, мыслях, желаньях,
Из какой появились страны,
Как крутились в земных испытаньях…

Только после разборки крутой
Баллы выставят, распределенья
Удостоят… Куда ты? Постой!
Мы с тобой, непременно с тобой

В вечном потустороннем нетленье,
Неразлучны. Надеюсь и верю,
Всю оставим печаль позади,
Её месяцы, годы, недели…

Подожди нас в полях асфоделей,
Я прошу, дорогой, подожди!

14 июня 2007 г.

* * *

Корабли свои сожгла,
Что стояли у причала.
Мало было в них металла,
Снасть горючая была.

И сгорели корабли,
До последнего сгорели.
Не поеду на неделе
Узнавать, где пуп земли.

Не поеду. Неужели?
Нет, не выдержу, наверно,
Жизни тихой, соразмерной.
Не поеду, так пойду,
Невзирая на узду.

Может, всё же подождать?
Корабли ещё построить?
А то всякие герои
Перестанут уважать.

Скажут, будто напоказ –
Строю, жгу, потом блуждаю…
И в итоге успеваю
К представлению как раз.

Как прикажешь оправдаться?
Трудно с ними объясняться.
Да и что тут объяснишь,
Когда тонешь и горишь?

Нет, не стану тратить время.
Я с героями со всеми
Разругаюсь и уйду.

В одиночестве блуждая,
Утопая и сгорая,
Пуп земли себе найду.

1984 г.

* * *

Я дефилирую по Лондону
С любовником Екатерины,
И он несимпатичен мне.

Так, долговязый верноподданный,
Слегка пропахший нафталином,
Неадекватный глубине

Сегодняшнего пониманья
Тех исторических процессов,
Участником которых был.

Наивно-серое созданье,
Взволнованный почти до стресса,
В шелка одетый гамадрил.

Вокруг моей Европы крошево,
Живой, разнообразный город,
Не удивляющийся нам,

И я прогуливаю прошлое
По магазинным коридорам,
По историческим углам.

Его манжеты кружевные
Не вызывают любопытства, –
Здесь волен всяк свое надеть:

Мелькают маечки цветные,
Коротких юбочек бесстыдство –
Свободы радостная снедь.

И ни угроз, ни приказаний,
Поклонов, страха наказаний,
Доносов – нету ничего.

Сейчас мороженое купим,
На площадь Трафальгарда вступим,
Где на газонах естество

Само валяется – туристы,
Смеются, дремлют, колу пьют,
Детишки пестрые снуют…

Что ж на лице твоем землистом
И дискомфорт и неуют?
Припомним матушку-царицу?

Согбенны спины, лести смрад,
Муштру, мундиры, плац-парад,
Придворных масок вереницы?

Воспоминанием твоим
Нет, я не заинтересуюсь,
Меня от прошлого тошнит.

Давай-ка смой в фонтане грим,
А я покуда потусуюсь,
Вон, кучка серая стоит

В остолбененье первобытном.
И сразу видно – из России,
Из нашей бедной стороны,

Глаза как будто любопытны,
Но в глубине туманом синим
Екатерининские сны.

28 января 1997 г.
Лондон.

* * *

Положенье неудачное –
Замучили прозренья.
Мне известны все движения,
Стали люди, как прозрачные…

Даже жить не интересно,
До того мне всё известно!

Я хотела бы на свете
Просуществовать как дети,
Или ласковые звери,
Или сонные тетери.

Дайте мягкую подушку,
Всем прозрениям ловушку!
Интуицию свяжите,
Замолчать ей прикажите!

1991 г.

* * *

Деревья, как печальны вы
В сырых отшелестевших кронах,
Уже дырявых, не зеленых,
Местами чуть позолоченых,
Покорно мокнете, увы,
На межсезонных перегонах.

Отпели летом, отплясали,
Ажурной тенью забросали,
Пригорок, коз, собак, детей,
Забор, сарай… Нашелестевшись,
Веселым солнышком объелись,
Реализацию идей
Закончили. Поющих птиц
И непоющих приютили;
Кое-кого уж отпустили
В края, где лето без границ…

А кое-кто остался с вами,
Семьёй обременён, птенцами,
Примолкнув, тоже ждёт зимы,
Чтобы глядеть из синих веток
В благополучье теплых клеток
В мир человеческой тюрьмы.

1997 г.
Осень.

* * *

Так странно жизнь моя идёт,
Повсюду тайна неземная,
И я уже который год
Хожу по самому по краю.

Всё, кажется, оборвалась.
Ан нет, за травку ухватилась,
За камушек, за снег, за грязь,
И снова в пропасть не скатилась.

Как крылья всё-таки нужны,
До ужаса необходимы.
А может, мне они даны?
Но абсолютно не видны,
И за спиной неощутимы.

1988 г.

Проснувшейся мухе

Спи ещё, ещё не лето,
Хоть в жилище много света,
Воздух ласковый, прогретый
Тем не менее – зима.

Так что, муха, спи покуда,
Мне весной устроишь чудо,
Оживешь! В отпаде буду,
В исступлении ума!

Как же так, вот интересно –
Ведь была соринкой местной,
Я тебя, ведь если честно,
В мусор вымести могла?

А теперь вдруг оживилась,
Задышала, закрутилась…
Почему, скажи на милость,
Лишь тебе судьба дала

Эту чудную возможность –
Воскресать неоднократно!
Почему наш общий папа
Тебя, муху, отличил?

А у нас такая сложность,
Вспомнить даже неприятно –
Процедуры, эскулапы,
И уж если кто почил,

Умер, я в виду имею,
То уж значит насовсем.
Я других не знаю схем
И безумно сожалею!

8 февраля 1998 г.

* * *

Разве птицы стремятся издать свои трели,
Напечатать и спрятать в обложку?

Звезды на небо сели, дрова догорели,
Потемнело в высоком окошке…
Месяц встал над трубою, и ветер улегся
До утра под туманом в овраге,
Ковш медведицы засеребрился, зажегся,
Млечный путь преисполнился влаги,

Появился Стрелец, зазвенела в окне
Золотая стрела осознанья, прозрения.
И на белой бумаге, как на целине,
Зашуршало, просеялось стихотворение.

Побежало с пера, зерна мыслей рассыпало,
Бой часов рассекал его, словно заучивал.
До утра, до утра, так случилось, так выпало,
Все лились, все резвились созвучия.

Посветлело. Деревья листвой зашумели.
Звезды скрылись, на землю попадали.
На страницы блокнота словами осели.

Разве птицы стремятся издать свои трели?
Я не знаю… Навряд ли, и надо ли…

6 марта 1995 г.

* * *

Дни слепились в комок,
Словно блин, самый первый который,
Украшение ног –
Золотые, звенящие шпоры,
Украшенье бедра –
Тонкой стали смертельное жало,
А в кармане дыра,
Она мне никогда не мешала.
Под копыта земля
Упадает и прочь убегает,
На борту корабля
Одноглазый пират ожидает,
Волны – дети ветров,
Проржавелые цепи целуют,
И небесный покров
Одичалою яростью дует.
Я лечу,
На лице
Красота и отвага застыли.
У тревоги в кольце,
У врагов, превосходных по силе…
Только мне все равно,
Правота – превосходству преграда!
Пусть враги за спиной
Многочисленнее листопада.
Все равно, все равно,
Все равно им за мной не угнаться,
Нету воли иной,
Кроме воли пиратского братства.
Им оставлю года
Человеческой ярости мутной,
А себе – ничего, никогда. –
Только ветер попутный!

15 октября 1992 г.

* * *

Ну райделайся же с нами,
Разлюбезный Боже мой!
Мы же бедствие, цунами,
Бред горячечный больной!

Что же только полумеры?
Где решительность твоя?
Только милиционеры,
А не праведный судья!

Наши подвиги достойны
Самых-самых строгих кар!
Ты ж по-мелочи – ну войны,
Ну болезни, ну пожар…

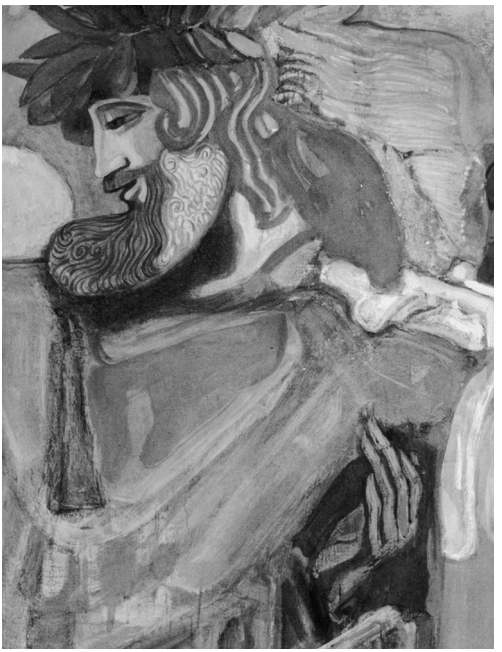
Да ещё лицо скрываешь,
Выражение таишь,
Всепрощеньем искушаешь,
Самомнение питаешь,
Милосердием шалишь…

Ну расправься! Неужели
Твоё сердце не задели
Наши лживые глаза?
Ну так что же, в чём же дело?
Что случилось, где заело,
Кто нажал на тормоза?

Сам нажал, уж ты признайся
Ох, уж эта мягкотелость!
Хватит, перевоспитайся!
Наше свинское зазнайство
Неужели не приелось?

Наши вредные привычки
Как надежные отмычки
Пусть к тебе откроют дверь.
Прогреми-ка из чертога
Покажи характер Бога
Время самое теперь!

1997 г.

* * *

Свою работу выполняя на земле,
Не жалуйся и не стони – старайся!
Наплюй на результат, о нем не препирайся
Ни внешне, ни внутри.
Забудь о шевроле,
О славе, власти, справедливом воздаянье,
О слове «я», «моё»... Среди чужих, в изгнанье
О радостях забудь, слезах и горе тоже!
Никак не сможешь? Да почти никто не может!
Почти никто... А ты старайся, упирайся!
Всё принимай, с любовью подлостью смиряйся.
Наплюй на общество, что всякого стремится
Связать столетними законами традиций,
Авторитетами! Ему не подчиняйся,
Глухой к призывам и приманкам оставайся!
Представь – вчера ты родилась, и до рожденья
К кому-то где-то поступила в обученье.
И обучили... и теперь вот здесь в дурдоме
Должна оправдывать оценки, что в дипломе
Тебе поставили! Что ж что не совпадаешь
С толпой глобальной! Ты же знаньем обладаешь!
Вот им и пользуйся, живи в своей квартире,
То есть в приватном, ото всех закрытом мире.
Ведь мудрецы, что базу знаний заложили...
Всегда с тобой, к ним по любым вопросам можно
Вот так и существуй – оно, конечно сложно,
Но проще ничего тебе не предложили.

28 мая 2005 г.

* * *

«Мастерская – спасение
от мира жестокости, зла и несправедливости».
К. Коровин.

Уношу печаль в мастерскую.
Кто ж поймёт меня вот такую
В окружающем мире? – Никто…
Потому мне печально и грустно,
Утешения в жизни не густо,
Как тепла под дырявым пальто.

Да ещё вот с пальто проблема:
Истрепалась прикида система,
Вся – и внешний и внутренний слой.
Значит надо искать другое,
Где искать, и что оно стоит –
Это ж ворох заботы какой!

Потому в мастерскую сбегаю
Я трусливая, да, вот такая,
В сердце жалость к себе процвела.
Ну а здесь в мастерсткой – мои люди,
Им нетрудно понять меня будет
И мои непростые дела.

Мы дела эти красками, чаем
Сокрушим, уничтожим, сломаем,
Им объявим решительный бой!
Победим! И настанет прозренье,
Муки творчества, мёд озаренья –
Просто будни моей мастерской.

12 марта 2006 г.

* * *

Уединение люблю,
Люблю, люблю уединенье.
Мне, небольшому кораблю,
Не нужно общее теченье.

Одна под солнышком растаю,
Исчезну в голубой дали,
И пусть большие корабли
Идут, фарватер соблюдая.

Под килем футы им нужны,
А мне, на кой мне эти футы?
У меня считаны минуты
Неповторимой тишины,
Свободны, не искажены,
Не искалечены маршрутом.

1991 г.

* * *

До свиданья, моя Хоста,
Оставайся с миром.
Счастье – это очень просто,
Как пакет с инжиром.
Как твои златые волны
Вечером за мысом,
Как таинственный, безмолвный
Уголь кипариса.
Как отсутствие знакомых,
Грохот эстакады.
Вечерами возле дома
Танцы, променады.
Хоста, ты прекрасней рая,
Он вот только вечен,
А с тобою истекает
Время нашей встречи.
Улечу в Москву как птица,
Чтоб зимой томиться,
Пребывая в ожиданьи
Нового свиданья.

20 сентября 1991 г.

* * *

«Дар – это поручение».
Баратынский.

Есть хоть один, в поэзию влюблённый?
В поэзию саму, не в имена?
Когда же темные минуют времена
И высшие исполнятся законы?

И можно будет даром все отдать,
Все-все отдать, что даром мне вручили,
Как отнести в пустыню поручили
Воды живительную благодать.

Возьмите, пейте, душу исцелите
От темноты, от прозы бытия!
Не для меня диктуют мне, поймите,
И рецептура тоже не моя.

Вода чиста, кристальна, первозданна,
Из тайного источника течет…
Вы не хотите – странно, очень странно,
Я уговорам потеряла счет.

Базарить с вами очень надоело,
Оставлю панацею на окне,
И удалюсь из вашего предела,
Поскольку вы несимпатичны мне.

4 марта 1995 г.

* * *

Какое чудо – снова снег,
На ветки снова уложился!
Нет, это мне не сон приснился;
На краткий миг остановился
Весны стремительный разбег.

А то ж вчера – такая грусть:
Щебечут птицы, солнце греет…
Зато сегодня двор белеет,
И кот желанья не имеет
Вопить рулады наизусть.

Такая утром тишина,
Как в самых распрекрасных грёзах,
Иль при убийственных морозах,
Когда распутница-весна
Еще не угрожает светом,
Травой, цветочками и летом.

Нет, свет, конечно, уж пришел!
Иначе как бы рассмотрела
Сей неожиданный прикол –
Мир, что за окнами расцвел,
Такой некалендарно белый!

21 марта 2006 г.

Самурай

Эх, ласточки носились
Над самой головой…
Да, зря вы напросились
На клич мой боевой!

Счас меч из ножен выну
И грудь вам проколю!
Кровь под цвет рябины…
Рябину я люблю.

Пусть она алеет,
Словно ваша грудь.
Было вам виднее,
Когда избрали путь.

Вам бы всё спустить бы
На мягких тормозах…
Но в разгар женитьбы,
У милой на глазах…

Эх! Ласточки носились…
Не стану убивать.
Уж ладно, коль женились,
Позволю выживать.

Когда же жизнь замучит,
Устанут слёзы течь,
Поймёте – было б лучше
На мой нарваться меч.

Я самурай, уклада покорнейший слуга.
Мне честь моя отрада,
А жизнь не дорога.

Мой лучший поединок –
Смирить своё нутро!
Счас в ножны меч закину
И пойду в метро.

Сентябрь 2008 г.,
Вечер. Элани бей.

* * *

Я не приду на суд Конвента,
Я не открою им лица,
Для них, как Мёбиуса лента,
Я без начала и конца.

Для них – загадка из загадок,
Необъяснимый феномен.
Не попадусь в унылый плен,
Хоть он укрыт от неполадок
И защищен от перемен.

Предпочитаю жизнь вести
Вдали Дантонов, Робеспьеров,
У них нахальные манеры,
А у меня любовь и вера,
И опыт долгого пути.

Конвент напрасно просидит,
Напрасно время потеряет.
И потеряв, весьма сердит,
Заочно кару учредит
И палача повыбирает.

Казните, я не возражаю,
Всю жизнь Бурбонов обожаю.

7 мая 1992 г.

* * *

Как жаль, что я в бренном теле
Судьбою заключена!
Как жаль, как жаль в самом деле,
Что вечность мне не дана.

Как жаль, что ночь наступает
После каждого дня,
И день всегда уступает,
Огорчая меня…

Как жаль, что проблемы всюду,
Привычны, как сердца стук,
И часто бьется посуда,
Выпадая из рук,

Что свет лишь в конце тоннеля
Горит, надеждой маня…
И что в очень уж бренном теле
Заключили меня.

1993 г.

* * *

На вокзал неуютный пришли,
Сели в поезд и в зиму уехали.
Осветился вагон, как успехами,
Белым, белым покровом земли.

Осветился, как счастья истоками,
Разлюбезными воспоминаньями.
На фиг эту столицу с собраньями,
Скукотищей, подлянкою, склоками…

Там весною все грязно растаяло,
Тротуары и чувства, и мнения
Неприятны житейские правила
Делового перенапряжения.

Неприятны. Вот мы и уехали.
Здесь покой, тишина благодатная,
За нее деловыми успехами
Заплатили, цена адекватная,

Даже низкая, просто ничтожная
За хрустальные, ясные лужицы,
За тропинки, как мысли несложные,
И весенние стаи тревожные,
Что над темными елями кружатся.

26 марта 1994 г.

* * *

Имидж свой поменять мечтаю,
Мне желательно дамой стать,
Улететь в солидную стаю,
А во сне уже не летать.

Чтоб серьёзные помышленья,
И неспешных движений вид,
К общей глупости уваженье,
К светским раутам аппетит.

Чтобы выверены одежи,
Благородный валютный стиль,
Чуть косметики, и на коже
Заграничных вояжей пыль.

Чтобы золото, но не слишком,
Кое-где немного карат,
Никаких пристрастий к излишкам,
Как Диор и Зайцев решат.

Чтобы вся – за закрытой дверью,
Ничего нигде напоказ.
И немного высокомерья
В глубине подведённых глаз.

И суждения чтобы были
Тихо поданы, не спеша,
Чтобы из коробочки стиля
Не просвечивала душа.

Никакого лучика света,
Никакой теплоты вовне!
Новым имиджем чтоб одета,
Защищенной стала вполне.

Чтоб никто не смел и представить,
Будто можно просто, слегка
Убедить меня иль поправить…
Чтобы знали наверняка:

Не наивна, не откровенна…
Ни о чём не стану просить!
Новый имидж – души замена,
Я как только тебя надену,
Не снимая буду носить!

Май 1993 г.

* * *

Я приду, ещё приду на эту землю,
Знаю, лучшего пока не заслужила.
Человеком появлюсь, хоть мне не мило
Положение такое… Но приемлю

Сей порядок. Что поделать, что поделать…
Закрутила карусель не я, ребята.
И когда-то, в темноте веков когда-то
Разукрасила зелёным, синим, белым.

Да, не я. Но разукрашено неплохо,
И законы вроде правильные были:
Все, кто счастье поведеньем заслужили,
Получили сто процентов без подвоха.

Почему «Законы были» написалось?
Никуда ж они не могут подеваться.
Им согласно я приду на Землю, братцы,
Завершить что недоделанным осталось.

Дорисую подзасохшие картины,
Доругаюсь, долюблю, доем, доплачу,
И, возможно, уловлю свою удачу –
Распрощаюсь с матерьяльной паутиной!

А покуда, а покуда перспективы
Для меня довольно грустные маячат –
Возращенью не найти альтернативы,
Возвращению в обитель горя, плача…
Вот такая вот покуда неудача.

7 июня 2006 г.
Москва, метро.

* * *

В пять часов уже светло.
Может даже и в четыре.
Я не знаю, я спала.

Но теперь через стекло
Мне видны в окрестном мире
Все текущие дела.

Сквозь столетника узоры
Небо светит, светит, светит…
Как возможно так светить?!

И полёт стрижиный скорый
Его линиями метит,
Угрожает расчертить.

Только линии оставить
Не дано стрижам, бесследен
Их мелькающий сюжет,

Словно паузы в октаве,
Скорости в велосипеде,
Вроде есть – и сразу нет.

Шесть часов… Еще один
Час из жизни съеден мною
Был один, как в поле воин,
Разлюбезный, яркий сын

Бесконечности… И сгинул,
Промелькнул, как след стрижа.
Не успела даже спину
Разглядеть. Ужасно жаль!

Спину лучшего в цепочке.
Жизнь его была проста,
Жизнь поэта-одиночки,
Проявил себя до точки
И оставил эти строчки
На поверхности листа.

29 июня 1997 г.
Утро. Селятино.

* * *

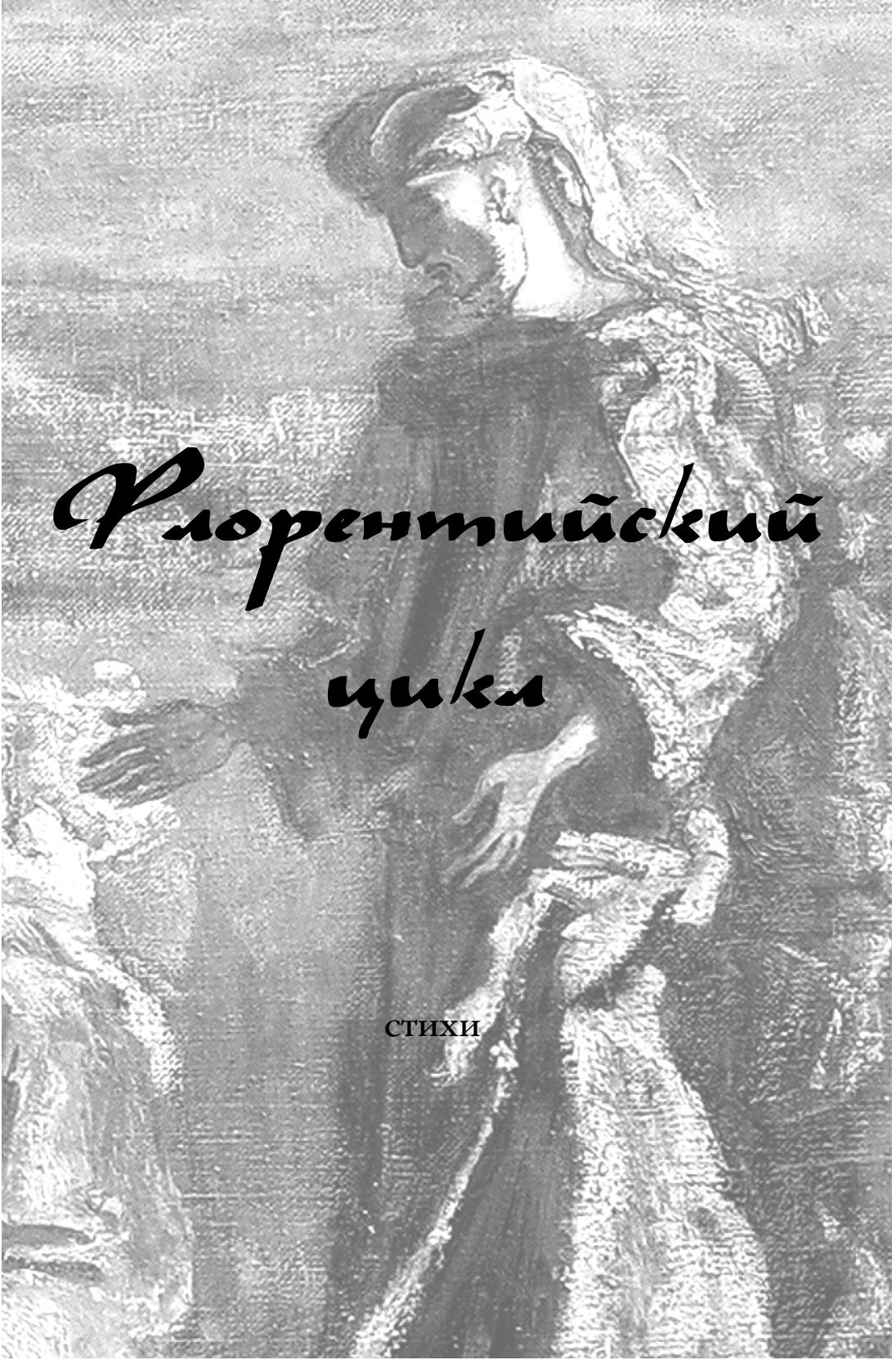
Какой на улице сумбур!
Народ обеспокоен.
Сидит на дереве Амур,
Раздет и непристоен.

Ему с панели говорят:
«Зачем ты здесь, наш сват и брат
И господин, Венерин сын?
Зачем колчан и стрелы?
Что ими хочешь делать?

Кого сбираешься обречь
На муки страсти нежной?
Моральным долгом пренебречь
Какой душе мятежной
Велишь? Чья бедная семья
Сгорит, заполыхает?».

Амур сказал: «Вы что, друзья,
Не можете без хая?
Транзитом из Парижа я,
На ветке отдыхаю».

1986 г.

Флорентийский цикл

стихи

* * *

Дождь, во Флоренции дождь,
Льётся вода на фасады,
На брусчатку, ограды, аркады,
На Тоскану, обилие рощ

Всевозможных… Орехи, оливы
Мокнут, мокнут в объятьях среды,
Что сегодня обильем воды
Изумляет туристов счастливых.

Как же, разве не счастье – гулять
В мокрой сказке, в её переулках,
Темных, узких, таинственных, гулких…
И раскованно существовать
В тех веках, где не кофе и булки,

А суровой осады настой
Сочетался с органом в костеле…
И прервали занятия в школе,
Чтобы выдержать яростный бой.

Всех позвали на башни! Сам Папа
Дивный город со зла осадил.
Победил он тогда, победил,
Управителей не пощадил,
И трофеев роскошных нахапал…

Дождь, гуляю… Со стен не стреляю,
Но душою присутствую там.
Флорентийцы, примите! Я к вам
Прилетела и странный сангам
Со стрельбой и дождём ощущаю.

3 апреля 2006 г.

Савонарола

Почему ты сидишь в Сан Марко,
Отлученный от церкви, сожженный?
Подарили пламени жаркому
Твоё сердце, безумно влюблённое
В справедливость, как ты полагал,
И в Христа, каким ты его видел!
Пламя съело телесный портал,
Ты по полной страдания выпил…
Для чего же сегодня восстал?

Все считали – мол, сгинул педант,
И упали запреты морали…
Почему же тебя изваяли?
Почему обгорелый гигант,
Ты сидишь, уважаем, реален!
Что за странный судьбы вариант?
Ты красив, ты неистов и строг,
И мучений горячих венок
Не скажу, чтобы очень украсил
Твою голову! И без него
Ты сжигал себя! Я-то уж знаю.
Так любил, так любил Божество,
Что, сомнений ростки истребляя,
На холодные плиты склоняю
Свою голову… перед тобою,
Перед твоею сгоревшей судьбою.

17 ноября 2005 г.
Сан Марко.

Нерону

Ты сжёг Рим? Ну и правильно сделал!
Раз приспичило – надо сжигать!
И стоишь себе мраморным, белым,
И меня восхищаешь! Как знать,
Может, я на пожар твой смотрела?

И пиесою восхищена,
Прославляла, хвалу тебе пела!
Ну, конечно же, тоже сгорела,
От страданий не защищена
Ни твоей диктатурой, ни телом!

Я узнала тебя, мой кумир,
Мой Нерон, идиот белоглазый!
Нет, убить бы, не мучая, сразу!
Нет, ты сжёг моё сердце, мой мир,
Подарил диктатуры заразу!

Шутка. Просто у бюста Нерона
Я дитё запоздавшее жду
Уже полчаса… Дождь непреклонный
За окном… Там водою зелёной
Мутный Арно, сметая заслоны,
Рвётся к морю, в родную среду.

Вот пришла. Как мы обе устали,
Насмотрелись чудес и красот!
До свиданья, Нерон! Что печален?
Вспомнил рабство, дымины развалин,
И безумных истерик улёт?
Живописные были детали…

Не грусти, что прикончил пиесу
Хронос – это его балаган.
Нам он тоже то войны, то стрессы
Презентует под видом прогресса,
То террор, то дырявый карман,
И никак не опустит завесы.

Ну, прощай! Нас пирожные ждут,
В узких улочках кофе и пиццы…
Не грусти! Может быть, воплотиться
Ты сумеешь когда-нибудь тут
И судьбою своей восхититься!

15 ноября 2005 г.
УФИЦЦИ.

* * *

Как славно утекает время,
Без перерыва, круглый год!
Когда оно совсем уйдёт,
Какое тягостное бремя
С души уставшей упадёт!

Наступит Вечность – ничего
Уже не будет изменяться,
Природа избежит новаций,
Подвижек, сложных вариаций,
Смертей, рождений – ну всего,
Чем мы устали возмущаться!

А что? Давайте жить без сроку!
Дыханье в теле прекратим,
Творца сначала удивим,
Ну, а потом уговорим
Прикончить время! Что в нём проку?
Нас переменами венчает,
Чем очень сильно огорчает!

12 ноября 2005 г.
В самолете
Москва – Флоренция.

* * *

Все земные дела закончены,
Переделаны и перетасканы.
Потому оставаться доле мне
На поверхности этой неласковой

Вряд ли стоит! Хозяином брошена,
Часто плакаю, жалуюсь, сетую…
Ну и что, что я очень хороша,
Кому, в общем-то, дело до этого?

А тем более здесь, в Италии,
При дожде в закоулках узеньких.
Дали что ли бы отпуск, дали мне,
Перестали задерживать узника!..

Всё равно уже всё переделала,
Завершила все замыслы-вымыслы,
Ничего больше не усмотрела я,
Никакие прекрасные примеси

Не нашла в пустоте моей личности!..
Вот брожу по дождливому городу,
Он уснул в подслащённой античности…
Как мне все это нравилось смолоду!

А теперь… И теперь еще нравится –
Бруты, пиццы, Горгоны с палаццами,
Да, не зря эта дивная нация
На поверхности шарика славится!

Мотоциклы летят оголтелые,
Брызжут мне на пальтишко без жалости…
Дождик, дождик… Дела переделаны…
Отпустите на волю, пожалуйста!

18 ноября 2005 г.
Флоренция.

* * *

Похоже, что вы оба драчуны:
Носы сворочены, в серёдке перебиты.
У Микеланджело понятно – там сильны
Простонародные привычки… Ну, а ты то!

Ведь ты же Сам Великолепный, ты ж богатый!

Кто ж кулаком тебя по морде приласкал?
Поди, не выдержал страстей твоих накал
И говорильню кулачищем опечатал!

Не знаю, кто, но, видимо, подстать
Великолепен был, когда кулак поднять
Решился на Тебя! История смолчала,
По имени она его не величала.

А надо бы! Мы б знали, брать с кого пример.

А то ведь стали лизоблюдами, рабами,
Живем, исполнены услужливых манер,
И сломанных носов не видно между нами.
Зарезать, отравить… Да это тоже ты

Умел неплохо – так в преданьях, я им верю.
Наметить, подстеречь, потом из темноты
Напасть, сломать хребет… Такое только зверю
Доступно, хищнику… Да, кстати, ты похож!

Крупнейший из вельмож –
Коварный, хитрый, умный…
Теперь из памяти, как видно, не уйдёшь,
В обтянутом трико и в обуви бесшумной.

А Микеланджело… Что ж, гений и злодейство,
Пожалуй, вправду, несовместны – сил не станет!
Задеть по морде – это да, на это тянет,
Но после струсить и удрать – такое действо

В его характере! И абсолютно прав!
Он для меня оберегал свой дар бесценный!
Не только для меня, но и для всей Вселенной!
Вот почему смирял по временам свой нрав.

И все ж имеем два свороченные носа.
И любоваться ими я не устаю:
Так разукрасили собою жизнь мою,
Так облегчили – это точно, без вопросов.

17 ноября 2005 г.

* * *

Я во сне тебя вижу и плачу,
Снова к Аннунциате хочу,
К Антиною, к Лоренцио лечу
И к медузе Горгоне впридачу!

Чтоб стоял под окном Фердинанд,
Поднимая в приветствии руку…
Боже, боже, какую докуку
Создал Медичей странный талант

Среди гор! Я не разобралась,
Не случилось – недели так мало!
Только славно внутри погуляла,
Поедая порой провиант,
Что траттория мне предлагала…

И поновой в отпаде глядела
Питти, Боболи, Данте, Барджелло,
И портреты, портреты, портреты…
Словно их уже видела где-то.

У Нерона в глазах непокой –
Вероятно, поджёг состоится…
А на улице дождик струится,
И реальна возможность влюбиться
В серый камень, омытый тоской.

Не отсюда ли имя – Тоскана?
Не отсюда ли всё остальное –
Мои слёзы, восторг непокоя,
Цвет камзола изысканный, пряный
У Лоренцо? Раздробленный нос,

И насмешка в глазах оживлённых?
Повезло – он среди беззаконных,
Гениальных тиранов возрос!

Я во сне тебя вижу, Флоренция!
И разлука приводит в отчаянье
Ты прощенье моё, индульгенция,
Отпущение и обещание,
Что удача не будет одна,
Что, возможно, она повторима…
А то жалко – ведь сердце ранимо,
И замена ему не нужна.

Дождик, дождик по стенкам Дуомо,
По соцветьям решёток литых…
Может, просто я маленький псих?
Только здесь, в отдаленье от дома,
Натолкнулась на ближних своих.

Всё моё – одержимость, отчаянье,
Вероломство, любовь, непокой…
Нет, приехала я не случайно,
Может, здесь моей жизни окраина,
Ну, а может – начало другой!

1 декабря 2005 г.
Флоренция.

* * *

Флоренция… Шляюсь
По тысячелетней брусчатке,
Смотрю, восхищаюсь, –
В большом городочек порядке!

Как щёлочки улицы,
Нет тротуаров, палаццы…
По всюду святые, от них никуда
не деваться!

Понятья крутые
У них о морали! Но только
Когда ж они жили –
Столетий проехало сколько!

По стенкам леплюсь,
Мотоциклы меня задолбали…
Здесь Медичей куст,
Здесь и Савонароллы гуляли…

В капелле случайной
На стенках истлевшее чудо –

Там вечеря тайная
И нехороший Иуда.

Гуляю одна, налегке,
Мысли, чувства без счёта…
И горы стоят вдалеке,
Как на росписи Джотто.

И Арно бежит среди них,
Зеленеет водою…
Флоренция – ты среди книг
Мне явилась иною…

Теперь вот в тебя зарулила,
Могучую, серую,
Набитую очень красивой
Усталою верою.

19 ноября 2005 г.

Конец
флорентийского цикла

Сонет моим стихам

Только я знаю, как вы красивы,
Только я. Оставайтесь со мной!
Вам не будет ни с кем перспективы,
Ни за чьею широкой спиной

Вам не будет так славно, уютно,
Как в потоках родительской ласки.
Вы мои, вы мои абсолютно,
Вы моей нестандартной окраски.

Все, ну каждое стихотворенье –
Моё странное мировоззренье,
Уникальных догадок мороз,
Упоений цветы ароматные,
Обличений уколы приватные
И потоки непролитых слёз.

7 августа 1996 г.

* * *

Откроете потом? Вот это мило!
Я не хочу, мне надобно сейчас.
Не для себя использую чернила,
Поверьте, исключительно для вас.

Давайте, открывайте, я за дверью.
Намерена стихами угостить
Свежайшими. Зачем же недоверье?
Ну, отчего боитесь в дом впустить?

Что, опасаетесь за интерьеры?
Иль, может быть, боитесь, мой приход
Внесет сомнения в догматы веры
И перепортит радости карьеры?

Ну, ну, не бойтесь! Ваш житейский мед
Я дегтем разбавлять не собираюсь,
В сознание раздрая не внесу,
Не плюну в суп, взрывчатку в колбасу
Не заложу, не этим занимаюсь.

В глазок взгляните. Верите теперь?
В руках стихов узорное плетенье.
Не сомневайтесь, открывайте дверь!
Поверьте, не предвидится потерь,
Предвидятся одни приобретенья.

18 июля 1995 г.

* * *

Чужие драмы я переживаю,
И о чужой душе веду рассказ.
Открыта всем. И каждый про запас
Плоды с моих деревьев обрывает.

Все горести проходят сквозь меня,
И не мои решаются проблемы,
Соседей бытовые теоремы,
Или друзей мышиная возня,
Все крупные и мелкие системы
Базара суета и толкотня.

Зачем горю смятения огнем,
Чужие радости зачем меня волнуют?
Пишу об этом, точно о своём,
Не в постороннем будто, а в моём,
В моём закрытом мире существуют.

Насквозь и глубже чувствовать могу
Причины и фатальные исходы
Чужих поступков. Так капризы моды
Предвидит модельер. Не берегу

Резервы для себя. Пишу и таю.
Возможно себя этим измотаю,
А может быть – совсем наоборот,
Второе мне дыхание придет,
Придет весна уже пережитая.

28 марта 2006 г.

* * *

Меня одарили сверх меры,
Но жалко, недовоспитали,
Остались дурные манеры,
Моих проявлений детали.

Остались, остались, остались
И грубость, и зависть, и злоба…
Всю жизнь мне приходится в оба
Смотреть, чтобы не проявлялись.

Держать себя, будто на створе:
Нельзя! Ну-ка, остановиться!
Иначе все может случиться
В эмоций бушующем море.

Иначе, захлестнута ими,
Разгневана, мстительна, злобна,
Забыв изначальное имя,
Всем фуриям черным подобна,

На дно полечу, в тартарары…
(Иль в тартарары – так вернее)
И все, и безумья пожары
Меня, как дрова, поимеют.

Вот так, одарили сверх меры,
Но жалко, недовоспитали.
Имею дурные манеры,
Как бомж на Казанском вокзале.

20 июня 1996 г.

* * *

«Царство Божие внутри вас есть».
Евангелие.

Так что, они внутри меня,
Необычайные чертоги?
Там обитают, значит, боги
И их ближайшая родня?

Свобода, Радость, Доброта,
Любвеобилье… Постоянно
Живет достоинство, как манна,
Как роза свежая с куста.

Ну, и, конечно же, сознанье,
Что я объект его вниманья,
Его величества Христа!

Наверно, с ведома его
Живут во мне и остальные:
Мыслишки мелкие, дрянные,
Расчёт, картинки заказные,
Переживания смурные –
Так повелело Божество.

Протестовать я разве буду?
Вниманьем счастлива, горда,
Чертогов царственное чудо
Не покидаю никогда!

Готова вечно заблуждаться,
И в наставлениях нуждаться –
Такой божественный интим!
Проказничать, рыдать, смеяться,
И бесконечно восхищаться
Распорядителем своим!

4 февраля 1997 г.

* * *

Жалость покинула нас,
Ночью вчера улетела.
Быть в небрежении не захотела.
Что же лежать про запас…

Мы посмотрели ей вслед,
Холодно так посмотрели,
И позабыли как дождик в апреле,
Как сломанный велосипед.

Нас ожидали дела,
Встречи, тусовки, работа…
Это же глупость какая была!
Душу томила, сознание жгла,
И вспоминать неохота.

Брошенный пес посредине двора,
Кошка больная, как будто сестра,
Лепта беспомощным людям…
Непобедима, слепа и остра
Боль понимания. Хватит, ура!
Больше такого не будет.

Мы равнодушием, точно щитом,
Сердце прикрывши по миру пойдем,
Поступью четкой, железной:
Чтоб никаких сентиментов кругом.
А милосердие? Что вы, о нем
Нам говорить бесполезно.

2 июня 1995 г.

* * *

Посещают во сне
Те, кто не были, были и есть…
Не сгорает в огне
Моей памяти яркая смесь!

Появляясь молчком,
Ниоткуда, идут в никуда…
Словно в фильме немом,
Наполняют дома, города…

И пространство ума.
Там себя как попало ведут!
Просто цирк и батут –
Акробаты, прыжки, кутерьма!

С ними я заодно!
Почему, почему бы и нет?
Это ж просто кино,
Это ж просто не спетый куплет!

После дня суеты,
После всяких напрягов и дел
Тут бываешь и ты –
Тоже скачешь, ваще обалдел!

Но бывает, бывает в прыжке
Слышу «Остановись!
Нету купола, ты налегке,
Улети, оторвись!

Устремляюсь, лечу…
Высоко, далеко, насовсем!
Ничего не хочу –
Ни свершений, ни дел, ни проблем!

Прошлой жизни объём
Исчезает, как в сите вода!
И прошу об одном:
Поменяйте реальность со сном
Насовсем, навсегда!

11 апреля 2006 г.

* * *

Отпусти, отпусти меня в свободу!
Ненадолго кану в небо или в воду,
Расцвету темно-вишневою сиренью
И вернусь в твою неволю к воскресенью.

Ты мне крылышки усталые погладишь,
В тесноту ладоней ласковых посадишь,
И признательность мою опережая,
Улыбнешься, бытовухою снабжая.

Я скукожусь, стану серою и вялой,
Буду грустно вспоминать, что вот недавно,
Лишь вчера ещё над крышами летала
Птицей вольною, почти самодержавной!

Но тебе не покажу на сердце рану –
Огорчать неблагодарностью не стану.

27 марта 2002 г.

* * *

Было нынче на рынке веселья навалом.
Я ввинтилась в толпу, за мной тётенька встала,
Мне по жизни сестрица: «Вам тоже картошку?
Здесь с машины она подешевле немножко.

Нам такое годится. Не правда ль? А то!
Смотришь – и наберём на манто иль авто,
На коттедж в Португалии, рядом с Мадонной,
На скале, на пляжу или в зоне зелёной.

Нам без разницы – яхта пускай у причала…
Эй, ты мне не довесила, клубень зажала!
Доклади! А то вдруг мне на парус не хватит?
Прошмандовка российская именем Катя!

Катерина! Во, бейджик надела, туда же!
А мне застишь полёт к португальскому пляжу!
Вон, вчера прокурор умолял – не воруйте!
Лучше в воображении блага рисуйте!

В телевизоре парился, в первой программе,
Так душевно и слёзно беседовал с нами!
Так что клубень доложь, блин, кому повторяю?!
И я тотчас в объятья Мадонны слиняю!».
Хорошо на базаре поутречку было,
Просто апофигительно мне подфартило:
Оторвалась по полной, хамила душевно,
Продавцов поимела и очередь гневную,
Распрекрасно и грамотно всех раскатала,
И домой порулила, сыта до отвала.

Так что, люди, привет, развлечение рядом!
Ни аншлага и ни Петросяна не надо!
Нужно просто в российский бедлам окунуться,
И вседневным весельем его захлебнуться.

22 июля 2005 г.

* * *

У нас было много морей,
Мы с одним, нет, с двумя расстались,
И на память о них остались
Проржавелости якорей.

К нам на станцию их свезли,
Пусть лежат, имущество всё же…
И лежат в потресканной коже,
В шелухе и серой пыли.

Опрокинутый катер спит,
В лопухи кормою уткнулся,
И баркас, как маленький кит,
Морем выплеснут, задохнулся.

Цепь – зелёный морской дракон,
Дремлет в водорослях крапивы…
Все, мне кажется, странно живы,
Лишь вкушают недолгий сон.

И когда наступает ночь,
Влажным северным ветром веет,
Просыпается, кто сумеет,
Отряхнувши ржавчину прочь.

По дороге к белой луне
Корабли уходят рядами.
Видно, думают – это пламя
Маяка горит в вышине.

Неподвижно, молча летят,
Нереальны, стройны и странны,
И матросы, и капитаны
От луны не отводят взгляд.

5 ноября 1994 г.
Селятино.

* * *

Стихи – нежнее не бывает,
Не выдумать, не написать!
Тебе отосланы. Кто знает,
Теперь поэзию бросать,

Возможно, навсегда придётся –
Ведь не создашь второе солнце!

Ты прочитал. Ты был в отпаде.
Все рядом тоже – тёти, дяди
Сомлели от большого чувства
И гениального искусства.

А я? Представь, что из меня
Влюблённость утекла стихами –
Остыла страстная возня,
Как будто выросла броня
Похолоданья между нами.

Скоропостижно позабыла,
Что лишь вчера тебя любила,
Томилась, нежностью палима…
Отмучилась! И мимо, мимо…

Как поезд мимо полустанка –
Гуднула, скрылась… Лишь изнанка
Осталась строчками в тетрадке
Построена в большом порядке.

Нет, я поэзию не брошу!
Пусть обретается во мне,
Как у солдата на войне
Аптечка в ранце. Эту ношу

На случай врачеванья ран
Презентовал творец-тиран.
Благодарю за панацею!
Теперь мани меня, зови,

Я ускользнуть всегда сумею,
Поскольку техникой владею
Искоренения любви!

1983 г.

Пасха

Живопись – последняя овца,
Потому на Пасху в воскресенье
Я пойду работать – прегрешенье
Для религиозного скопца.

Я пойду, и праздничным псалмом
Будут мои краски на картине,
Разольется кобальтовые синий
И утонет в темно-золотом.

Никаких не надобно излишков,
Только бы овцу мою спасти,
И усталой, серенькою имышкой
Вечером на праздник приползти.

И рыдать, и петь, благословняя
Милосердье Божие без края.

18 апреля 1993 г.

* * *

Человек изначально свободен,
Так в великих религиях сказано.
Никому и ничем не обязана,
Если мне ваш устав неудобен,

Я шагну, я черту перейду,
Обрету своё освобождение,
Укокошу диктата беду,
И покорность, и ложь, и смирение.

Ваш устав, вам и жить по нему!
Я при чём? Мне не нравятся правила!
В вашу выстроенную тюрьму
Не желаю! Что там я оставила?

Ничего! Мне противны футболы,
Речи, взрывы, тусьня с президентами,
Игры с евро, долларами, центами,
Любование сиськами голыми…

В развесёленький цирк с клоунадами
Пёстрым клоуном не поступлю.
Дрессированных львов не люблю,
И потёртых мартышек не надо мне.

Человек изначально свободен,
От рожденья – всегда, навсегда!
Мне любая опека – беда,
Мне ошейник любой неудобен!

7 июня 2006 г.

* * *

У дороги береза склонилась,
Снег согнул ее аж пополам.
Мне сегодня обещана милость,
Или мне, или вам, или нам,

Или всем… Безусловно и все
Мы сегодня ее заслужили.
Потому и весна на шоссе,
Как по радио нам предложили.

Сообщили, мол, мненье имеется,
Что кончается зимний сезон,
И не надобно больше кальсон,
Солнце выйдет и воздух прогреется.

Сообщением радостным сдвинуты
В зону счастья, легки на подъем,
Мы скользим по шоссе, опрокинуты
В многогранный хрустальный объем.

В лужах светится наше катание,
Облака под колеса летят…
Ах, какая среда обитания!
Ах, какой голубой променад!

Это ж милость, весенняя милость:
Праздник наш или твой, или мой…
Может, вправду, а может, приснилось,
Что сегодня весна обручилась
С уходящею белой зимой.

16 февраля 1996 г.

* * *

От всего отречься – как прекрасно!
Состоянья этого хочу.
Быть спокойною, смиренной и безгласной,
Ждать, когда игрок ударит по мячу.

И катиться абсолютно безразлично
В направленье, обозначенным ногой…
Не желаю участи другой!
Помоги, Хозяин, сделаться безличной!

Пусть колотят хоть словами, хоть ногами,
Или моют словословия водой,
Мне б избегнуть соучастия в программе,
Столкновения со счастьем иль бедой…

В сеть ворот пускай закинут – я не против!
Снова вытащат, по полю пустят бечь…
Мне пусть будет всё равно! О чём и речь –
На любом чтобы житейском повороте
От эмоций я могла себя сберечь!

28 марта 2006 г.

* * *

Мои владенья, огороды
Все расположены в лесу,
Их сберегают неба своды
И утро чистую росу

Им дарит. Нет у них забора,
Калитки нету, нет замка,
Лишь темно-синего простора
Над ними пропасть глубока.

Никто-никто не охраняет
Владенья пестрые мои,
Ручей в овраге пробегает,
Его журчащие струи

Колышут ивовые плети. –
Темно-зеленую косу,
Здесь замолкает даже ветер,
В моем таинственном лесу.

Не у штакетника малина, –
Между зеленых длинных трав…
И дышат ели-исполины,
Под солнце головы задрав.

Здесь, в тишине лесных угодий,
Без удобрений и забот
Растет цветок. На огороде
Он безусловно не растет.

Цветок забвения печали,
Беспечных и счастливых грез.
Его нигде вы не встречали,
Он только у меня пророс.

Я аромат его вдыхаю,
Всех ароматов идеал,
И чувствую – еще из рая
Творец людей не изгонял.

Июнь 1996 г.
Ходили в лес за малиной.

* * *

Мулла исламский раз попал на день рожденья
В дом православный, рядом с батюшкой сидел.
Шел пир горой, гармонь наяривала, пел
Подвипивший хозяин, воскресенье
Под окнами шумело, в русском стиле
Гуляли – ели колбасу и водку пили.

Тост предложили за Небесного Отца,
За подающего смирения примеры.
Мулла смутился – пить нельзя, мы разной веры,
Давно враждуем… Но глазами мудреца
Взглянул на всё священник старый, он сказал:
«Зачем устраивать бессмысленный скандал?
У вас ведь Бог один? У нас,
представьте, тоже.
Так вот за этого единственного можем
Мы смело выпить!».

Люд гуляющий признал
Разумность доводов. Подумав, согласился
И мусульманин. Бодро выпил, закусил,
Соседа обнял, летом в горы пригласил,
И целый вечер с лёгким сердцем веселился.

23 февраля 1998 г.

* * *

Вот снова тает снег.
Мне жаль его терять.
Я стала плохо спать,
Я нахожусь в печали,

Живу вдали утех,
Хочу обратно, вспять…
Зачем, зачем опять
Мне снега недодали?

Опять… Как он сверкал,
Каким холодным был!
Как сердцу говорил
О сладости покоя…

И вот судьбы оскал:
Его весенний пыл
Почти что растопил!
Как вынести такое?

Он стал уже не бел,
В коросте, в пузырях,
Собаки дохлые взошли на пустырях,
Алмазный пруд взопрел,
Стал неприятен глазу…
Произошел отстрел
Всех благодатей сразу!

Такое полюбить
Немыслимо, нельзя!
Я жду весны конца,
Я сны смотрю о вьюге.

Не буду плакать, ныть,
Лишь отведу глаза
От потемневшего лица
Моей подруги.

21 марта 1996 г.

* * *

Впереди меня день большой,
Только мой, большой и приватный.
Он, конечно, будет приятный,
Отдохну сегодня душой.

Не общнусь ни капли ни с кем,
Организм затихнет, сомлеет,
Пусть его сегодня согреет
Отпадение от систем.

Ощущение уединенья –
Что же можно слаще придумать?
А за окнами день осенний,
Без дождя, без ветра, без шума…

Незаметно проник сквозь стекла
Воздух цвета холодной стали,
Сено, что намедни промокло,
Подсыхает, синие дали

Показались из мглы вчерашней,
Из висящей облачной рвани,
И вороны на черной пашне
Бродят в поисках пропитанья.

Я одна, какое блаженство!
Я одна – волшебное слово.
Мир, сегодня ты – совершенство!
Мне всегда бы тебя такого

Знать и чувствовать! Мне всегда бы…
Разве так уж требую много?
Знаю, знаю, что жизнь – дорога
Через рытвины и ухабы,
Через бури и катаклизмы…

Ну так пусть хоть чуть, временами
Перерывы устроят в драме

Режиссеры, чтоб мне по жизни
Походить, побродить приватно…
Это было б очень приятно.

10 сентября 1996 г.

* * *

Я хочу, чтобы рухнули все города,
Чтобы люди исчезли с планеты.
Неужели совсем никогда-никогда
Не случится законной вендетты?

Пусть бы нефтепроводы сгорели огнем,
Лодки атомные повзрывались,
Чтобы мы не смогли никогда, нипочем
Возродиться, как бы ни старались!

Чтоб порушились все достиженья наук,
От искусства чтоб пепел остался,
Чтобы след наших жадно хватающих рук
Стерся, вылинял и затерялся.

Чтоб уже в мироздании больше нигде
Никогда не возникнули люди.
Пусть в нем будет просторно земле и воде
И зверью долгожительно будет.

Звери пусть сохранятся, ну как-нибудь пусть!
Ведь они же ни в чем неповинны.
А иначе настанет вселенская грусть
На период бессмысленно длинный.

Пока кошки, собаки, деревья, цветы
На земле возродятся по новой
Лев, гиена, акула – сосуд доброты,
Слон ушастый и желудь дубовый.

Пока почвой остывшая станет зола,
Новой кожей на старой планете.

И она, позабывшая наши дела,
Упасенная от человечьего зла,
Будет плавится в солнечном свете.

23 сентября 1996 г.
Утро, Селятино.

* * *

Как меня баловали звуки!
Ужель настали дни разлуки?
Ужель? Поверить не могу!
Зову, стенаю, вслед бегу.
Как хороводились мы славно,
Как пировали презабавно
Зимой и летом, круглый год!
Ну почему теперь развод?
Кто будет вам меня удобней?
Кто б зарифмовывал подробней
Эмоций ваших изложенье?
Так вот награда за служенье!
Эх, вы! И ничего не скажешь,
Не остановишь, не повяжешь,
Не дозовешься, не обманешь,
Магнитом лести не приманишь.
Свободны, ветрены, летите,
Куда причуда вас несет,
Я наблюдаю, словно зритель,
Ваш упоительный полет.
И ожидаю – вдруг опять
Меня возьмете полетать...

15 апреля 1993 г.

* * *

Стихи затикали, как мина,
Их обезвредить, записать!
В тетрадку им необходимо,
Спешу, спешу себя спасать!

Среди ночного беспорядка
Ищу спасения ключи –
Нашла, нащупала татрадку...
Ну, всё, опасность, замолчи!

Ложатся замкнутые строчки,
Глаголы, междометья, точки,
Определенья – все лежат!..
Одни проклятые вопросы
Стоят над сточками, как осы
И угрожающе жужжат!

1989 г.

* * *

Не умею утешить,
Не стараюсь помочь,
Лишь огнями увешать
В новогоднюю ночь.

Это – да, я умею,
И огни и шары,
Всё, всё, всё, что имею.
Пусть висит до поры.

А как минет веселье,
Скрипка кончит визжать,
От синдрома похмелья
Постараюсь сбежать.

Мало ль что говорилось,
Обещалось навек?
Всё слиняло, забылось,
Как истаявший снег.

Вся испита и спета
Новогодняя ночь…
Ни сочувствия нету,
Ни желанья помочь.

22 августа 1995 г.

* * *

«О господи! Ты замесил мою глину, что же мне делать?
Ты соткал мою шерсть и ткань, что же мне делать?
Всё злое и доброе, что я совершаю,
Ты начертал на моём челе, что же мне делать?».
Омар Хайям.

Приказ передвигает ноги,
Распоряжение, сигнал.
Я не встречала на дороге
Того, кто бы протестовал.

Кто бы решительно и сразу
Решил в сторонку отгрести,
Свернул, не слушая приказа,
С определенного пути.

Уж ежели кому несчастья
Предусмотрели, то страдать
Придется. Нашего участья
Не требует и благодать.

Богатством кто-то обладает,
Другой талантом, третий псих…
Приказы сверху поступают,
Мы только выполняем их.

И гнев, и радость, и любовь,
Все не у нас в распоряженье,
И взгляд, и слово, и движенье,
Улыбка, поднятая бровь…

Печаль какая в декабре…
Все потому, что догадалась:
Мы чья-то прихоть, чья-то шалость.
И сразу же пришла усталость,
Усталость мячика в игре.

28 декабря 1993 г.

* * *

Нищие люди, грязные люди,
Тощие псы и голодные кошки…
И все же будем,
Первыми будем!
Главною будем стекляшкою в брошке!

Ох, заблестим золотыми крестами!
Храмы построим, огромны, роскошны…
Чем заниматься: бездомными псами,
Или какими-то драными кошками?

Все юбилеи, какие сумеем
Вспомнить, найти, будем праздновать круто!
Чтобы задумчивости – ни минуты,
Не осознать, что смертельно болеем.

Нищие люди, голодные люди
Стадом безумным живут на вокзале…
Вы их видали? Нет, вы не видали,
Были не суперкинофестивале!

Цацки семье Михалковых вручали,
Батюшка пел, президент прослезился.
И удивился, Христос удивился:
Как же мы выродились, одичали.

5 августа 1995 г.

* * *

Никто не лучше никого –
Я наконец-то поняла.
Божественное естество
Как пустота, что не бела

И не черна.
Наделена
Им всякая живая суть.
Пусть где-нибудь, когда-нибудь
Разделят нас.
Но не сейчас.
Пока один проходим путь.

Не мне, не мне судить о том,
Чего, зачем и больше в ком –
В друзьях, врагах,
И в нас, и в них,
В твоих делах,
В словах моих…

Сегодня утром поняла,
Что не черна и не бела,
Как ты, как твой и мой сосед,
Что разницы меж нами нет.

И блажь судейская слиняла,
Груз покаянья вслед за ней –
Я Брут, я Цезарь, я злодей,
Я жертва, мститель, Амадей,
Который Моцарт! И сначала:
Я Фараон, я раб его,
Законов я установитель,

Их нарушитель,
Притеснитель,
И трепетное существо,
Кого, злорадствуя, смеясь,
Я бодро втаптываю в грязь.

Я Жириновский, я Гринпис,
Все человеческое братство…
Я все, кто завтра народятся,
И кто вчера опущен вниз,

Под землю. Все мы, как один,
Никто ответ держать не будет,
Не бойтесь, бедолаги-люди,
На нашей кухне господин

Имеется. Все от него:
Деянья наши, естество,
Ростки добра и море зла,
И сажа, что белым-бела.

19 февраля 1996 г.

* * *

Давай куда-нибудь пойдем
Или поедем,
На Ледовитый водоем,
К большим медведям.
Медведи белые, носы
У них чернеют.
Ах, розы северной красы,
Апофигеи!
Вам подходяще видно там,
Над глубиною,
Где светит айсберг, словно храм,
Голубизною.
Давай морковки им возьмем,
Медведи все же…
Давай сегодня бросим дом,
Рюкзак уложим…
А как же кошки? Нет, нельзя,
Ведь затоскуют.
В окно просмотрят все глаза,
И все впустую.
Не поедят, не помурчат,
Играть не станут,
Лишь телеграмму отстучат,
Звонком достанут,
Чтоб возвращались поскорее,
Поскорее,
От ледовитых медведей,
Апофигеев…
Ведь там полгода холода
И затемненье,
И повседневная беда
Оледененья.
Глубь океанная,
И бури ежедневно,
И бродит странная
Из снега королевна.
Сиянья всякие!

Да что они, сиянья.
Об них двоякие
Бывают пониманья.
Ведь электричество –
Шарахнет, и пропало!
В больших количествах
Опасное начало.
Растопит ледовитый лед
Со снегом белым,
Медведь как лодка поплывет,
А вам что делать?
Тонуть придется.
Да вы что?
Такая драма!
Мы у соседей взяли сто
На телеграмму.
Наверно больше не дадут
Несчастным кошкам.
Целуем. Ждем. Без вас капут.
Маруся. Брошка.
Нет, мы сегодня не пойдем
И не поедем,
На Ледовитый водоем,
К большим медведям.
Мы будем с кошками гулять
около дома,
Мы обойдемся без большого
водоема.

29 мая 1993 г.

* * *

Ну вот я зимы дождалась.
А может, вернее, дождалась?
Вновь снегом земля замелась,
Осеннюю спрятав усталость.

Все отдано, можно поспать.
Ни солнца, ни трав, ни цветенья,
Лишь белых снегов благодать,
Успенье, успенье, успенье…

Сливается небо с землей,
На проводе черные птицы.
Все лето мечтала с зимой
С холодною объединиться.

Теперь пребываем в покое
И вместе белеем прилежно,
Она – декабрем белоснежным,
А я – белоснежной душою.

8 декабря 1994 г.
Электричка, утро.

* * *

Злобы атомный заряд
Разрушает, убивает.
Убивает всех подряд.
По-другому не бывает.

И конечно самого,
Сам злодей не будет целым.
Злобных мыслей вещество
Уничтожит его тело,

Сердце, душу… я заране
Вас могу предупредить:
Это то же, что в кармане
Радиацию носить.

Всех вокруг она уложит,
Невозможен неуспех,
И своих хозяев тоже,
Может, даже раньше всех.

15 января 1995 г.

* * *

Жене Набокиной

Тебе сегодня позвоню,
Тебя сегодня я окликну,
К воспоминания огню
Душой остылою приникну.

Давай увидимся, давай!
Наговоримся без помехи.
Припомним старенький трамвай,
Качели на большом орехе,

За поворотом детский сад,
И лето в серых тучах пыли,
И поезда, что привозили
В Тбилиси раненых солдат.

Война, война… Для нас, детей,
Была не очень страшновата.
Мы не участвовали в ней.
Там где-то били супостата,

Уничтожали корень зла…
Мы ужаса не ощущали,
У нас лишь проголодь была
И мамы юные в печали.

Но и свобода. Не могли
Смотреть за нами, все сражались,
И мы дворовыми росли,
Вполне собой распоряжались.

Базаров влажных пестроту
Ты помнишь? Песни радиолы,
И баню серную, и школу,
И на уроках скукоту.

Боролись с ней что было сил.
Учителя боролись с нами.
И гул военный не гасил
Мятежной юности цунами.

А наше скудное меню?
Всю жизнь к другому не привыкну.
Тебе сегодня позвоню,
Тебя сегодня я окликну...

9 мая 1995 г

* * *

Мысль моя, куда ты прёшь?
Чем сей порядок нехорош?
И почему кагал людской
Тебя ввергает в непокой?

Его ты то не уважаешь,
То обожаешь,
То пинаешь...
Зачем, ведь ты отлично знаешь –
Что профи не переиграешь!

Всё, хватит! Я хочу тобой
Повелевать везде и всюду!
Не вздумай бегать! Из любой
Из ситуации добуду!

Я, я одна твоя хозяйка –
Молчать, шальная балалайка!
Молчать и исполнять приказы!
Вновь улетела?
Вот зараза!

30 марта 2006 г.

* * *

В июне золотая прядка
На липе под моим окном…
То осень, то её раскладка
Вошла в зелёный летний дом.

Вошла, напомнила, что скоро,
Да, скоро, что ни говори,
Приватизирует просторы –
Лес, поле… Холодом зари

В остывших лужах отразится,
Спугнёт, прогонит певчих птиц,
Дождём холодным будет литься,
И мы забудем веселиться,
Изменим выраженье лиц.

Уйдём в прогретые жилища
И отгородимся стеной
От осени, от темнотищи,
От ночи с белою луной,

От… Нет и нет! Я не уйду.
Наоборот, я всё покину,
Жилья приватного кабину,
Квартиры теплую среду!

В холодный дождь и мокрый снег,
В листвы печальное круженье
Укроюсь, словно в наважденье
Недружелюбное для всех,

А мне родное! Чем темней,
Угрюмее и бесприютней,
Тем мне комфортнее, уютней,
Тем мне желаннее, родней
Осенней драмы перепутье!

Я жду тебя, сезона слом –
И как послание из рая
Трепещет прядка золотая
На липе под моим окном!

Июнь 1996 г.

* * *

Уйди, уйди отсель, Душа!
Зачем тебе сиденье в теле?
Так птица, посидев на ели,
Опять летит, летит спеша,

Туда, где над грядою гор
Горят созвездия живые,
Где дышит голубой простор –
Её любимая стихия!

В капризном теле прозябая,
Ты притомилась… Уходи!
Свобода, счастье впереди,
Лети, земных страстей не зная!

Тюрьма до дрожи надоела…
Лети, я улечу с тобой!
Так притомил вседневный бой…
Ведь не просила, не хотела

Рождений, жизней и смертей,
Сует, невежества и злобы…
Давай, давай немедля оба
Слиняем из земных сетей!

Ну, обнялися – и вперед
С песнями, как у нас ведётся!
Пусть оболочка остаётся,
В земле лежит за годом год
И вспоминает наш приход,
Как ослепительное солнце!

5 мая 2005 г.

* * *

Мои права, мои права… –
Не понимаю их, не знаю.
О боже, боже… Голова
С утра какая-то дурная.

С утра как бы уже устала,
Как будто вовсе не спала.
Мои права… Их много, мало?
Или природа мне дала
Одни обязанности? Или
Так всем дано, не мне одной?
Вопросы плотною стеной
Меня сегодня обступили.

Зачем цены себе не знаю,
Своим божественным дарам?
Живу, как будто бы играю,
Мешаю слёзы пополам
Со смехом, ненависть с любовью,
Расчет с восторгом, лёд с огнём…

И таю, таю день за днем –
Лет считанное поголовье
Уходит быстро, ускользает,
Меня бросает голиком,
Ему страданья крик знаком,
Мой первый крик, что мир пронзает.

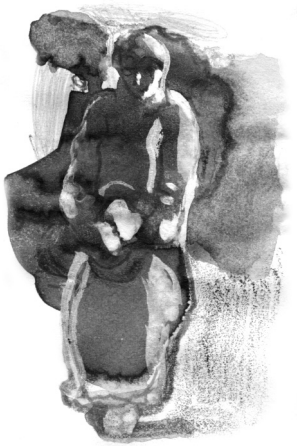
А после – хаос, нескладуха,
Бессмыслица и темнота…
Теперь вот голова пуста,
И в чувствах полная разруха…

Прав не имею никаких.
Как жертвенный ягненок блею,
Перед которым жрец затих,
Убить намеренье имея…

И нож занёс… Не объясняя
Приносит в жертву для кого…
Что разумеет божество,
Когда казнит, не обвиняя?

Права… Осталось лишь пригнуться,
Глаза усталые закрыть,
Подставить шею… И забыть
Вопросы, что вокруг толкутся.
Что в них? Невежеством одета,
Легко оставлю этот свет.
Зачем выпрашивать ответы?
Возможно, их в природе нет.

26 ноября 1997 г.

* * *

Наверно, мысли нужно было
Вам передать.
И где-то краска прекратила
Преобладать.
Созвучий рухнула лавина, –
Потоки слов,
Я с головой ушла в пучину
Своих стихов.
Каких своих? Я исполнитель.
Чужую речь
Твержу, как громкоговоритель.
Поклажу с плеч
Вначале сбросить так стремилась,
И лишь потом
К диктаторам приноровилась?
Теперь идем,
Идем, теперь идем все вместе,
я, мы, они…
Их песни стали мои песни,
Как жизни дни.
Как звуки утренней побудки,
Мне каждый стих.
Вам отдаю свое как будто,
Читая их.

1993 г.

* * *

Всю жизнь по зависти хожу,
Как по угольям красным.
Ужель ступней не охлажу?
Ужель стенать напрасно?

Ужель завидовать всегда
Без перерыва будут?
Ведь это, граждане, беда!
Уж лучше бы простуду,

Уж лучше бы простуду мне
Схватить от охлажденья,
От равнодушного вполне
Людского отношенья.

Уж как бы счастлива была,
Когда б меня забыли!
Чтоб мои мысли и дела
Всем безразличны были!

Чтоб никогда и никого
Не интересовала
Ни я, ни дела моего
Авралы и провалы!

Ведь не умею объяснить
Завистникам-койотам,
Что нет причин меня винить,
Как птицу за полёты.

Что крылья дали без меня,
Без моего согласья!
Лечу в полымя из огня,
Из горести в несчастья!

Нет окончанья виражу,
Нет сердцу обороны...
Когда же жалость заслужу
И осторожно приложу
К душе своей сожженной?

1999 г.

* * *

«Скоро мы будем принуждены по недостатку слушателей читать стихи друг другу на ухо».
А. Пушкин в письме к П. Вяземскому. 1820 г.

Зачем мне писать, коль стихи никому не нужны?
Никто их не любит, не хочет и денег не платит.
Забвенью людскому с рождения осуждены.
Зачем их писать? В самом деле, наверное, хватит.

Но мне будет грустно, коль скоро они прекратятся,
Зачем принимать во вниманье моё окруженье,
Там люди во всяких ненужных делах суетятся,
У них там свои стимуляторы телодвиженья.

И душедвиженья. Поэзия им ни к чему.
Ужели принять для себя посторонних законы?
Нет, очень не хочется, видимо, их не приму,
И буду писать, буду сердцу дарить своему
Беспечных стихов легкомысленные перезвоны.

27 октября 1997 г.

* * *

В искусстве разум ни к чему,
Лишь к сухости ведет.
Не терпят логики тюрьму
Божественный полет.

Для вдохновенья чёрный мор –
Раздумий шелуха,
Предположений пёстрый сор,
Предвиденья труха.

Лишь не исследуя себя,
Возможно улететь.
Творя, безумствуя, любя,
Не рассуждать – гореть!

Чтоб интеллект – да ну его!
Не возникал, затих.
Чтоб никого и ничего,
Пожарных никаких!

Пускай огня святой недуг
Всё истребит кругом:
Мораль, закон, друзей, подруг,
Благополучье, дом…
Горячим пламенем лизнуть

Безумия костяк!
Отринуть прочь земную суть,
И человеческую муть,
И разума пустяк!

29 февраля 1996 г.

Сонет

Приоритет мне дали –
Тяжелые медали
Повесили на шею!
Протестовать не смею.

Нельзя, награды всё же,
От них рефлекс на коже,
От них я вся другая,
Солидней, полагаю.

Но только шее тяжко,
Всё время книзу гнётся,
Умаялась, бедняжка,
Награды снять придётся,

А то не распрямиться!
Куда это годится?

1999 г.

* * *

Все проблемы в стихи укладываю,
И живут, в поэзию сосланы,
После все на полку кладу.

Им грядущего не загадываю,
Иль умрут, или станут взрослыми,
Я от них ничего не жду.

А пока утихшие, теплые,
По листкам, дискетам, блокнотикам
Рассовались, дышат, сопят…

Не тревожат дикими воплями…
Наглотались, может, наркотиков,
Так блаженно, праведно спят.

Очень просто счастье составилось,
От проблем ненужных избавилась
Вот таким нетрудным путем,

Уничтожила приставания,
Воспитания, доставания,
Беспокойство в доме моем.

11 декабря 1996 г.

* * *

«Вечер тих, в небесном поле
Ходит Веспер золотой.
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.

Догаресса молодая…»
На подушки прилегла,
Равнодушно наблюдая
Ход тяжелого весла.

Ей предельно безразличен
Меж мужчинами скандал.
А возможно и привычен…
Дож ее откуда взял?

На молоденькой жениться
Рисканул, как ни крути.
Вот, изволь теперь топиться,
За ошибку заплати.

Так уж исстари ведется,
Неразумный, гордый дож.
Счас вода над ним сомкнется…
Что ж, соперник, не поешь?

Брови черные нахмуря,
На воде круги следишь.
Что в душе – восторга буря
Иль раскаяния мышь?

А гондолу гонит ветер,
Догаресса слез не льет,
Веспер бледен, как свидетель,
Вечер сладок, как компот.

31 октября 1996 г.

* * *

Освободиться от цепей!
Кому должна? Вы это бросьте!
Я больше не хочу в коросте
Долгов!
Как конь среди степей,
Хочу свободою дышать,
Бездумно и неоднократно,
И чувством искренним, приватным
Свою свободу обожать!

Ну, в самом деле, почему
В обязанности, как в тюрьму,
Сама себя я погружаю?
Все думаю, соображаю,
Стараюсь угодить…
Кому?
Кому, зачем? Ведь я свободна,
И время есть еще пока.
Пусть сердце, голова, рука
Творят что только им угодно!
Рисуют стол или сову, иль кошку…
Пусть никто не купит,
Пускай известность не наступит…
Какая разница? Молву
Я уж давно не уважаю.
А деньги? Ладно, проживу,
Едой себя не нагружая.
Зато… Ой, сколько же зато
Обломится часов волшебных!
Во мне не станет слов хвалебных! –
Сплошная радость шапито!

Пройдется клоун по канату,
Проскочит лев через огонь,
Взлетят под купол акробаты –

И все – мое!
И степь, и конь,
И неба низенькие своды,

И солнца слабенький накал,
И милосердие природы,
И прославляющий свободу
Златой осенний мадригал!

12 декабря 1996 г.

* * *

Посвещается Эльвире Павленко

Прямо вот сейчас займусь
Чем-нибудь хорошим,
Поглазею на бабусь
Под балконом и пройдусь
Прогуляюсь с Брошей.

Солнце светит, нет дождя,
Чудная погода.
А Марусе, уходя,
Поменяю воду.

Пусть попьёт. Её с собой
Захватить бы можно…
Но гулянье, как разбой
Примадонне сложной.

Ей весенний вернисаж
Тыщу лет не нужен!
Не влечет ее пейзаж,
И дворовый антураж
С непросохшей лужей.

Безразличен ей подвал,
Воля не колышет…
Кто бы дуре подсказал,
Что в подвале мыши!

Но, возможно, непонятно
Ей само названье «мышь»,
Ничему неадекватно.
Это очень вероятно,
Когда бреккисов престиж

В общем безальтернативен.
Нет, мы с Брошею вдвоем
Счас на улицу пойдем,
Интерес у нас наивен:

Мы на травку поглядим,
На букашек половодье,
Пруд заросший посетим,
И прогулку совместим
С размышленьем о природе.

Что она, мол, хороша
В самой разной упаковке,
Что у нас одна душа,
И не стоят не шиша
Все другие установки.

1996 г.

* * *

Устала, ах, как я устала
От жестких воздействий извне.
Прожитого много иль мало?
Да вроде достаточно мне.

И веры моей и неверья,
Холодного, как снегопад,
Предательства и лицемерья,
И преданности невпопад.

Я знаю, так много я знаю,
Такой необъятный объем,
Что больше уже не желаю
Спросить никого ни о чем.

Иду, пехотинец по шпалам,
В чужой, непонятной войне…
Устала, ах, как я устала
От жестких воздействий извне.

5 января 1996 г.

* * *

Мне кажется порой, – упала я с Луны…

Так мало у меня пересечений с теми,
Кто на Земле, как видно, были рождены
И без труда несут существованья бремя.
Мне кажется порой – упала я с Луны.

И хочется, нет, не порой, а часто очень,
Обратно на Луну, Земля чужая мне.
Возможно пот ому люблю загадку ночи;
В её бездонной, первозданной глубине,

В роскошной тишине как будто вновь к себе,
К себе потерянной, забытой возвращаюсь,
Законом жизни человечьей не смущаюсь,
В пространстве, времени уж не перемещаюсь
И не покорствую раздрызганной судьбе.

Одна луна со мной… В голубоватом свете
Вся растворяется земная суета;
Реальность радости – не грёза, не мечта,
Меня уносит, словно Золушку в карете.

Туда, туда, домой, откуда я ушла,
Ушла или ушли, конечно, лишь на время.
Я знаю, чувствую – там счастлива была,
Вне утомительных проблем добра и зла,
Так гениально разлученная со всеми!

Мне кажется порой – упала я с Луны…

14 января 2001 г.

Стихи и поэма, посвященные Александру Пушкину

* * *

Мальчик, мальчик гениальный,
И сверчок, и обезьяна,
И мудрец… Моя нирвана
Близ тебя и постоянно
Стала более реальной,
Чем вседневные дела,
Чем работа, чем дыханье,
Достижения, желанья,
И любви очарованье –
В них отраду не нашла.

Лишь отраву. Тяжело,
Неуютно с ними было.
А с тобой – легко и мило.
Я считаю – подфартило,
Утешение пришло.

Мальчик, мальчик гениальный,
Точный, как сюжет наскальный,
Светлый, как напев пасхальный,
И премудрый, словно гном,
И веселый – все при нем.

Ну и я при нем. Нирвана…
Затянулась в сердце рана,
Из души сомненья смыты
И глаза полузакрыты.

Мальчик, мальчик гениальный!
Так душа к тебе стремилась.
Вот теперь угомонилась
И в беспечности легальной
Пребывает в твоем мире –
Постоялец на квартире,
Где натоплено, уютно
И спокойно абсолютно.

26 октября 1996 г.

* * *

Про Орлова, про Лансу
С микроскопом эпиграмма
Хороша, смешнее нет.

Ну? а пьеса про Бориса –
Изумительная драма,
Что герои, что сюжет –

Всё возвышенно, прекрасно!
Мог вот так и мог вот эдак,
Мог серьезен быть, глубок.

Постоянства же напрасно
В нем отыскивать приметы,
Постоянным быть не мог.

Написал про Гавриила
И про арфу Серафима,
И про памятник себе,

Без руля и без ветрила
Вроде плыл, но это мнимо,
Был хозяином в судьбе!

И под выстрел добровольно
Сердце пылкое подставил,
Хоть причину презирал.

Знал, что будет очень больно,
Но не мог нарушить правил,
Честно с будущим играл.

Только раз один запнулся,
Только раз, когда женился,
Сил своих не рассчитал.

С темной подлостью столкнулся,
Равнодушием умылся,
От безденежья устал.

Если б, если б не женился,
Иль женился на богатой,
То возможно бы, возможно?
И до старости дожил.

Вольной, сытой, нетревожной
Тишиной бы насладился,
А на царскую зарплату
Хрен с редиской положил.

3 февраля 1998 г.

* * *

Ах, это всё равно теперь уже для нас,
Зачем и почему и как дуэль случилась.
Он умер и стихов теченье прекратилось,
Возможно, наверху иссякнул их запас.

Запас божественных гармоний истощился,
И гениальный исполнитель удалился.

И в самом деле, разве стоило ему
Жизнь доживать, своё семейство умножая?
С нуждою битву потайную продолжая,
Никчемных родичей собою ублажая

И в долговую беспросветную тюрьму
День ото дня всё основательней въезжая
Всё глубже, глубже, уж ни проблеска, ни зги,
Ни капли радости в последних письмах нету,
Лишь просьбы о деньгах… С кого спросить за это?
За многодетность, постоянные долги,
И за призвание российского поэта.

От тридцать первого, шесть очень долгих лет
С нуждой боролся, это знаете ли, много.
Невероятный был, блистательный поэт,
Какою быть могла бы светлою дорога,
Женись он только на богатой… Не судьба.

Там знают лучше, там, вверху, где строят планы.
И всё же грустно… тридцать семь… Ушел так рано!

Его творений восхищенная раба
Влюбленным сердцем ясно чувствую – попался,
В пучине быта просто-напросто увяз.
Мечтой о счастии семейном обольщался,
Предположить нагрузок тягостных запас
Никак не мог. И в результате распрощался
С любезным творчеством… Уже в который раз

Таким путем низводят гениев с планеты.
Они ж не в силах заработать, но об этом
Не знают, гордые, покуда горький час
Их не настанет, не задавит бытовуха,
Глухая к воплям, ненасытная старуха.

10 сентября 1997 г.

* * *

Твой юбилей стране как дождик угрожает.
Тебя ведь каждый, просто каждый обожает,
Прекрасно знает, объясняет, изучает,
Бессмертной славою главу твою венчает.

И я венчаю, только капельку иначе,
Не объясняю, не учу – смеюсь и плачу,
Судьбу кляну – увы, родиться запоздала,
Тебя уже на этом свете не застала.

Да нет, застала, что ж я это говорю!
Ты ж мне всего себя, всего себя оставил –
Писал записки, рассуждал со мной, лукавил,
Грустил, смеялся, удивлялся, волю славил…
И одарил меня любовью к ноябрю.

Теперь я знаю – это лучшая погода,
Промозгло, холодно, темно, уныло, хмуро…
Какая ж я была по молодости дура,
Любила цветики весны. Нет, бочка меда,
Нет, бочка меда в ложке дегтя – дождь осенний,
И ветра вой, что заменяет птичье пенье.

Так размышляется, так пишется, так спится…
Раздумья длинные, как свадебное платье.
Не нужно более мотаться, суетиться,
Одни спокойствия кругом мероприятья.

Ах, как пристрастия твои я понимаю,
Как гостью мокрую любезно принимаю!

Ноябрь 1997 г.

* * *

Дай руку, руку дай… Пошли.
Ты у меня один остался.
Один. Ну просто пуп земли,
И неба тоже. Как прокрался

В существование мое?
Не знаю, как-то незаметно.
Меня любовью безответной,
Как крашеное воронье,

Отметил. Белою, как снег,
Вороной стала в черной стае.
Как будто среди всех летаю,
Но отлученная от всех.

С одним с тобою. Руку дай!
Ты прав, ну что они, преграды?
Могилы, время – просто хлам,
Так, мусор перед входом в храм,
Их даже замечать не надо.

Дай руку, посмотри в лицо.
Мой бог, ты всех на свете лучше!
Какое счастье или случай,
Иль милость высших мудрецов

Мне подгадали этот бред –
С тобой прогулки, разговоры,
Стихи и письма, шутки, споры…
Нет, нет, судьбе укора нет!
Ты что, какие там укоры…

Тепла красивая рука,
И это мне всего важнее.
Смотри, луна невысока,
Овальным жемчугом белеет,
И речка подо льдом блестит…

Я зиму очень полюбила.
И эту речку, где убит
Ты вроде был… Что это было?

Виденье сонное, мираж?
Вон снег, что с елок облетает,
На лбу твоем высоком тает,
И весь окрестный антураж
Сомнения не оставляет,
Что ты живой. В ночи проплыл
Шум запоздалой электрички.
Ты удивлен, ты без привычки,
Ты что-то у меня спросил…

Молчи, души моей двойник!
Молчи, ты можешь простудиться.
Уткнись в бобровый воротник,
Дай вволю мне наговориться.

Молчи и слушай – все равно
Всего сказать я не успею,
Но сердце малость отогрею
Твоим вниманьем. Не дано

Такому счастью долго длиться,
Ему не место на земле.
Но все же я пока в тепле,
А после, после как случится.

О переменах не грущу,
Поскольку достоверно знаю,
Когда скитанья прекращу,
То, одиночеством страдая,
Под сенью ада или рая
Тебя по новой отыщу.

2 марта 1997 г.

* * *

Печали, слёзы к твоей плите не принесу,
Уж больно ехать далеко и денег нету.
Но в день рождения любимому поэту
Живых цветов недолговечную красу

Стесню в букеты и поставлю на столе.
Как в синей вазе анемоны анемичны…
Стоят, задумались… Наверное, о личном.
Их настроения в пурпуровом стекле

Соседней вазы раскололись, преломились,
В ней розы влажные уверены, бодры,
У них совсем другие правила игры.
Ах, анемоны, отчего же вы смутились?..

Ну, посмотрите, как сирень демократична,
Как простодушны снежно-белые ромашки,
Как рдеют заревом оранжевой рубашки
Цветки календулы! Ах, вы опять о личном…

Всё вспоминаете, в каком росли саду,
Между какими пышнотелыми дубами…
И полно, белые, теперь побудьте с нами,
Я к вам поэта-юбиляра приведу.

Он где-то здесь, он где-то здесь недалеко,
Чуть задержался на соседнем вернисаже.
Вот между вами для него «Вдова Клико»,
Его знакомая, приятельница даже.

Он задержался… Там картины по стенам,
Друзей и недругов портретная остылость,
Мы подождем, чуть-чуть попозже будет к нам,
Я с ним вчера по телефону сговорилась.

Ему сегодня пара сотен – это срок!
Мы побеседуем, подобно вам припомним
П роказы юные, пропущенный урок,
Прогулки томные… Так много от него мне

Узнать желательно, так много у него
Надеюсь выспросить о правилах салонных,
О самомнении красавиц непреклонных,
О долге чести и о том, как божество

К нему сходило. И какое с виду было?
И почему оно его не сберегло,
Зачем позволило убить, если любило?

Иль кто-то с ним самоуправно разобрался,
Без воли сверху? Я хотела бы ответ.
Ах, анемоны, он великий был поэт.
Вам не понять, зачем на Черной речке дрался.

Мне тоже. Слухи разновсякие кружились,
Жена, интриги, обстоятельства сложились…
Он разъяснит, уж появился бы скорей!
А вот, пришел, остановился у дверей,
Ну, проходи, мы ожиданьем утомились.

14 марта 1997 г.

Калейдоскоп

поэма

Калейдоскоп – игра, состоящая из картонного цилиндра, наполненного цветным стеклом и перегороженного зеркалами. Вращая его, вы можете наблюдать неповторимые узоры».
Инструкция на коробке.

Недавно утречком в субботу,
На завтрак съевши апельсин,
Я по дороге на работу
Свернула в новый магазин

Купить шампунь. Потом зашла
В отдел где продают игрушки.
Смотрю — коробка, надпись — «Пушкин.
Калейдоскоп». Ей-богу, зла
Не хватит, чтобы заклеймить
Все ширпотребы к юбилею!
Ах, бизнесмены, ах, злодеи!
Аж сердце начало щемить.
Ни капли уваженья нет
К тебе, любимый мой поэт!

* * *

Купила, чтоб поменьше было
Дешевки. Так недорога
Была игрушка, что купила,

Как уничтожила врага.
Поглубже в сумку затолкала
И целый день с собой таскала.

Валялась сумка в мастерской,
Моей работе не мешала.
Потом стемнело, я устала,
Оделась, побрела домой…
Поужинала, спать легла.
А ночью мне приснился Пушкин.
Неясно… Застилала мгла
Окрестность. Вроде бы речушка
Нас разделала… Он вертел
В руках коробку из картона.
Протягивал, отдать хотел.
Я вмиг узнала цвет зеленый —

Та самая, что в магазине
Мной нынче приобретена…
Но тут была прекращена
Немая сцена, серо-синий
Разлился предвечерний свет,
И в нем растаял мой поэт.

* * *

Я сон забыла. День прошел.
Опять до темноты писала,
Как камни острые тесала.
И то казалось хорошо,
То плохо, вместо красок студни…
Что делать — творческие будни.

А ночью вновь калейдоскоп
Мне предложил поэт любимый.
На рынке встретились, я мимо
Почти прошла, и вдруг озноб —
Стоит торгующих в ряду,
Стоит и продает игрушки!

Спросила: «Вы, простите, Пушкин?
Вот, денег нету на беду!
Я все бы, все у вас купила!».
Он улыбнулся: «Очень мило!
Я тут припас кой-что для вас».
И сверток подает знакомый —
Калейдоскоп, забытый дома.
И говорит: «Вы не сейчас,
Мне после деньги отдадите,
Я здесь всегда. Вы поглядите —
Неординарная забава…».
Тут танки поднаперли справа,
Я очутилась на шоссе,
Голосовала… и проснулась…

* * *

Вновь день прошел. Когда ж вернулась
Из мастерской, игру шерше,
Искала то есть и нашла
В прихожей, сверток развернула,
К глазам цилиндрик поднесла
И моментально внутрь ушла,
В невероятное нырнула.

Влетела… Ни прихожей рядом,
Ни кухни, ветер вроде бы,
Поля, поля под снегопадом,
Дыхание чужой судьбы.
Крутнула — город накрутила,
Аркады, классика, ампир…
Да, видно, правду говорило
Название — знакомый мир,
Знакомый с детства — пелерины,
Улыбки, капоры, меха,
Архитектура неплоха,
Общенья этикет старинный,
Лорнеты, муфты…
Ай да трубка!

Всего лишь горсточка стекла,
А как собою увлекла!
Я поскорей надела шубку,

Берет, я думала, что мне
Картинки севера покажут,
Но очутилась вдруг на пляже
И непосредственно в волне!

* * *

Конечно, выскочила из,
Берет отжала, шубку тоже,
Смотрю — вокруг полно прохожих,
Одесса, осени стриптиз.
Автобус делает маршрут,
Его обходят иномарки,

Денечек, скажем так, нежаркий,
Осенний южный неуют.
Предчувствий сладостных полна,
Я понимаю — угодила
Туда, где гения любила
Полумилордова жена.

Сейчас к Димитраки заверну,
Потребую вина кометы
И рюмки тонкие к вину,
Салаты, устрицы, котлеты…
А где же суп? А супа нету!
Его спросить не премину.

Иль правильнее не премину?
Неважно. Грамотеям спину
Вполне спокойно поверну,
Их притязания отрину.

Немыслимые притязанья —
Грамматика, правописанье,
Языкознанья благодать!..

Мне век бы правил не видать!
Я ж собираюсь отдыхать,
А с ними что за отдыханье…

Не так ли? Что за этикеты,
Когда имеются котлеты
И к ним изрядное вино…
Смеешься? Мне самой смешно.

* * *

Вам непонятно, я о ком?
О нем, о нем, о старом друге!
Вот появился за столом,
Свои лицейские досуги —
Влюбленности, насмешки, шкоды
Сквозь самовластие природы
Принес сюда, мы посидим,
Котлет пожарских поедим,
Политику обсудим, моды…
Ваще «за жизнь» поговорим…

Нескоро будет подан счет.
Настанет раньше потепленье —
Вон, дождь закончил шелестенье,
Умолкнул, больше не идет.
И лужицы куда-то делись…
Ишь, сохнут прямо на глазах!
Похоже, осень терпит крах,
Каштаны листьями оделись.
В тени на травке дремлет пес,
Летают осы, ну, а люди
Спокойно существуют в чуде
И поспешают на привоз.

* * *

Все объяснимо — мы же вспять
Сместили время, развернули,
И вот сидим уже в июле,

Под солнцем млеет моря гладь,
Коляски катятся в пыли,
Базарят грузчики у мола…
А вон, смотри, идет веселый
Слегка нетрезвый Морали!
К нам повернул. Вот это кстати!
Явились тут же карты, свечи,
И на подходе летний вечер,
И возле моря на закате
Давно обещанная встреча.

Здесь точки, точки… строчек двадцать,
В них ревности горячий шум,
Угроза вовсе распрощаться…
Что ж на скандалы любоваться?

Крутнула трубку наобум…
Или наобум? Что, опять?
Опять грамматика-нахалка?
Пускай наобум, мне не жалко.
Ну, можно дальше продолжать?

* * *

Крутись, крутись, калейдоскоп!
Безостановочно движенье,
Событий пестрое круженье,
Воспоминания озноб…

Осколки синего стекла
Теперь мороз изображают.
К воротам сани подъезжают,
В сугроб, что вьюга намела,

Влетают с ходу! Снег в лицо,
Срывает пламя тонкой свечки,
Уносит вниз к Сороти-речке,
А на обмерзшее крыльцо

Вбегает Пущин! Погоди,
Картинка, погоди меняться!
Калейдоскоп, ну дай обняться,
И радость светлую в груди
Не прерывай! Тебе зачем
Так необузданно крутиться?
Ведь очень скоро разлучиться
Друзьям придется насовсем.
Ну, а пока, пока вдвоем,
Вдвоем они часы проводят,
И миллионы тем находят
Для разговора… Друг… живьем!

Не темы главное — рука,
И глаз тепло, и сердца тоже,
Как стало на лицей похоже,
Как подлость мира далека…

Как сердцу грустно и светло,
Не правда ли, в то время было…
Не правда ли?.. Какою силой
Вдруг воскресает, что прошло?..

* * *

Ах да, игрушка, волшебство!
Не обманула этикетка!
Сейчас бывает очень редко
Такое счастье. Что ж, его

Используем и насладимся
Машиной времени вполне.
Чего повеселей бы мне…
Да и тебе… Уговоримся

Печальные попридержать
Воспоминанья. Что ж котлеты?

* * *

Ах, это раут? Смысла нету
Котлетой даму ублажать.

Десерт изысканный несут…
Какие мраморные руки
У Воронцовой! Светской скуки
Совсем не наблюдаю тут:
На дне холодных, как алмазы,
Шлифованных приличьем глаз,
Какой восторг, какой экстаз,
Какие страсти и проказы!

Ты улыбаешься, ты ценишь
Высокий извращенный свет.
Да, эти прелести, поэт,
Шатром цыганским не заменишь,
Тригорским тоже… Я понять
Вполне могу твои пристрастья.
Что ж, выпьем за любовь, за счастье,
Прекрасную креолку-мать,
За деда, прадеда-арапа,
За Африку, за племена…

Тостуемые пьют до дна!

А вот и катер из Анапы
Он на одесский на привоз
Кизил и скумбрию привёз…

* * *

Зачем калейдоскоп берешь?
Куда переместиться хочешь?
Ну покрути, только не очень…
Рисунок новенький хорош?
Ой, тише, тише, осторожно!
Ведь так и разлучиться можно.
Да, крутанул… Ну вот, теперь
Прости-прощай Одесса-мама!

Москва… В салоне настежь дверь,
Чиновники, поэты, дамы,

Артисты… Светлая молва
Давно дарит свое почтенье
Волконским… Розы, кружева,
И божество, и вдохновенье…
Негромко музыка звучит,
С Москвой прощается Мария.
Ей на прощанье свет дарит
Сочувствия пристойный вид,
Недоумения глухие
И равнодушие… Уйдем.
Мы ж знаем, что там дальше было.
Все информация сгубила:
Иллюзий радужных объем,
Предположений пестроту
И сентиментов красоту.
Остался холод размышления
И надоевшая печаль…
Сибири сумрачная даль,
Небес холодная эмаль…

А нам бы сладкого варенья!
Из райских яблок, ежевики,
Из кишиневских милых дам…
Раевские, пожалте к нам!

* * *

Крути! Ты — Пушкин, ты — великий!
Крути! Авось, калейдоскоп
Вознаградит твои усилья!
Смотри, кто там расправил крылья?
Да это ж аист! Пусто чтоб
Мне было, если не на юг
Нас занесло! Все получилось!
Уж солнца яростная милость
Разглаживает как утюг

Сады и парки Кишинева,
Реки землистую волну,
Полуденную тишину
На горке старый дом Инзова…

Привет, любезный городок!
Татары, греки, молдаване,
Вольнолюбивые цыгане,
Базары, где на поле брани
Смешался с западом восток!
Собор, над речкою тюрьма,
Дом разлюбезный Каталази,
Еще знакомые дома…
И в них страстей твоих чума,
Предосудительные связи,
Простуда, лихорадка, бред,
Безнравственные эпатажи,
И гениальным репортажем
Встревоженный святой завет…
Чего-чего там только нет!

Аглая, Каменка, дуэли —
И так все восемь дней недели!..
Ну, что же, навестим пойдем
Какой-нибудь приличный дом?
В кружок замшелого семейства
Двусмысленности лицедейства
И просвещения внесем.

Не можешь? Почему? Ах, да…
Куда же босиком податься?
Заране думал бы, балда,
Вчера не нужно было драться.
Теперь вот добрый генерал,
Чтоб прекратить твои скандалы,
Обувку у тебя забрал…
Что ж, раз свидание отпало
Ты почитай мне мадригал!
Ну, что ж, что я его читала,
Он хуже качеством не стал.
Мне только жалко, что его
Ты посвятил Елизавете,
Елизавете Хитрово.

Любил ли кто еще на свете
Тебя сильнее, чем она?
Жаль, возрастом вы не совпали.
Налей немножечко вина,
Поговорим о мадригале,
Неуважительном, циничном
И безупречно гармоничном.
Нет, не читай, нехорошо.
Недаром сжег его когда-то,
Насмешки голос не дошел
До любящего адресата.

В зигзагах психики твоей
Я не берусь искать логичность.
Ты очень творческая личность.
Осталось там еще? Налей…

Ну, как котлеты? Что, другие,
Чем ты в Торжке употреблял?
И, дорогой! У нас развал!
Обслуги уровень упал,

Особенно в кулинарии.
Такое время, все понятья
Сместились — честь, любви мираж…
Мораль ушла в крутой вираж,
Дуэльные мероприятья
И гордости ажиотаж
Исчезли вовсе… Что, хорош
Гарнир? Капуста неплохая?..
Поди, во всех столовках рая
Такой капусты не найдешь?..
Вобще-то там еда какая?

Не знаешь? Ты не там? А где?
Нет, пекла я не допускаю.
Жила в раю, тебя читая,
А ты чтоб на сковороде…
В жаре, пылищи, вони… Словом,
Куда Одессе с Кишиневом!
Нет, это слишком было бы.
Уверена, тебя там нету,
Был недостаточно отпетый
Для сковородочной судьбы.
Ты только очень всевозможный,
Порывистый, неосторожный,
И чародей и блудодей,
И безупречный и ничтожный…
И потому расстаться сложно
Тебе с планетою людей!

Я угадала? Значит, здесь
Тебя по новой поселили?
Что ж, очень этим одолжили!

Приму ну абсолютно весь
Земной расклад в дурацком стиле.

••
••
••

Здесь снова точки, строчек тридцать,
В них побледневшая луна…
Бутылка опустошена,
Но неохота расходиться.

Общаемся уже с трудом,
Я придремнула меж тарелок…
Приснился освещенный дом,
Весь полный дорогих безделок,

Колонны, статуи, цветы,
Ну, словом, снова песня та же,
Опять между гостями ты,
Не разодет, не напомажен,
У двери с Дельвигом своим
Стоишь и споришь о журнале,

Смеетесь… После таять стали,
И я проснулась. Пилигрим!
Ах, пилигрим, душа моя!
Как путешествовать умеет,
Над прозаизмом бытия
Своими тайнами довлеет.

Не мысля разлучиться с ней,
И я туда же за пределы
Лечу на свет ее огней,
Покинув дремлющее тело…

Безумье тайное иль тайна
Безумная — мне все равно,
Коль можно ускользнуть в окно
И приземлиться на окрайне
Другого мира, слов других,
Взаимоотношений, веры…

На помощь, милиционеры!
Пора пресечь стихов моих
Псевдопремудрые химеры!
Пора работать, день настал,
Ждут в мастерской холсты и краски.
Уж трудолюбия оскал
Тревожит жесткою подсказкой

Беднягу-совесть… Командир!
Постой, лишь уберу игрушку,
Луну и тайную пирушку,
В стекле упрятавшийся мир.

Еще надежнее упрячу
Приобретенную удачу.
Ищу… и не могу найти —
Ни трубки нету, ни коробки…
Я в магазин — тетради, кнопки,
Медведи, зайцев ассорти…

Я к продавцу: «Калейдоскоп
Здесь был вчера! Вы мне продали!
(Иль продали? Плевать! Что в лоб,
Что по лбу!) Как, вы не видали?

Такое вряд ли может быть!
Я в кассу за него платила.
Вчера поутру это было…
Не помните?». Что толку ныть…

«Не привозили. Я б нашла
Для вас», — завскладом мне сказала.
Я поняла и замолчала.
Нет, ничего не поняла!

Ушла на улицу, а там
Метель с морозом флирт крутила.
Мешала двигаться людям…
Да людям, людям! Пошутила…

По черной наледи гуськом
Текли нарядные снежинки,
Ларьки, деревья, школа, дом —
Давно знакомые картинки

Реальны были, только я
Вдруг выпала из содержанья
Реального существованья
Размеренного бытия.

Возможно, с крышей нелады…
Но я ж не соврала нимало,
Лишь под воздействием среды
Повествованье причесала!

Мне было грустно, а вокруг
Зима плясала танец белый.
Мороз с природою сам-друг
Шутил, от страсти обалделый,

Ее рядил то в жемчуга,
То в аметисты, то в алмазы,
В сугробы собирал снега,
И кучерявые, как фразы,

Деревья то опустошал,
На них бросая ветер шалый,
То вновь спокойствием дышал
И хрусталями украшал
Ветвей высокие порталы.

Машины, фарами светя,
С трудом ползли через завесу…
служа рождественскую мессу,
Метель резвилась, как дитя!

Окошки розами цвели,
Пионами, а люди были
Как призраки, бесшумно плыли,
Почти не трогая земли.

Все-все начала и концы
Смешались в хаосе исконном,
Безумном, противозаконном…
И слышались определенно
В метели светлой бубенцы.

1997 г.

Конец

* * *

Жизнь – не игра. И все-таки игра!
Бессмысленная, легкая, жестокая.
Выигрывай – ни пуха, ни пера,
А проиграешь – ставка не высокая.

Поэтому играй, легко рискуй,
Обманывай, никто не докопается.
Легко живи, люби, пиши, рисуй,
Твоя игра одной тебя касается.

Одной тебя, и боле никого.
Ни милый муж, ни призрачные дети
Твое не переменят естество.
У них своя игра на этом свете.

Поход

поэма

«Запад есть Запад,
Восток есть Восток,
И с места им не сойти».
Р. Киплинг.

Ветер в долине бежит по траве.
Всадники скачут на запад с востока,
Стелются лошади, и во главе
Реет зеленое знамя Пророка.

Мрачен Пророк, освещает луна
Черную бороду, видимо, молод.
Серая лошадь, одежд белизна,
Происхожденья высокого холод.

Горбится нос между втянутых щек,
Сжатые губы полоскою серой,
Не сомневается гордый Пророк
В праве карать ради истинной веры.

Рядом поводья негромко звенят,
Скачут соратники всех поколений,
Пуст, фанатичен у каждого взгляд,
Взгляд исполнителя высших решений.

Нету раздумий на скошенных лбах,
Нету сомнений ни в ком ни крупицы –
Рядом Пророк, он почти что Аллах,
И невозможно ему ошибиться.

Ветер свежеет, беззвучно заря
Светом ложится на жесткие спины,
Ночь поднимает свои якоря
И уплывает на запад долины.

Кони, желая ее обогнать,
Все ускоряют полет над травою.
Массой единой, как туча, как тать,
С поднятым знаменем над головою,

Скачут войска… А на западе, там,
Там, где кончаются травы долины,

Серые кровли видны по холмам
В белых берёзах, в пожарах рябины.

В розовом свете и розовых снах,
В тонкой резьбе на высоком крылечке,
Словно младенец в своих пеленах,
Словно котенок, уснувший на печке,

Дремлет посёлок. Вкушают покой
Все до единого, как сговорились,
Мирно уснули сады над рекой,
Жемчугом словно росою покрылись.

В тихом дворе, что у края села,
Нету пока никакого рассвета.
На чердаке, где побольше тепла,
Спят пауки паутиной одеты,

Свиньи в хлеву, индюки на бревне,
В темном сарае собака на сене…
В доме внутри и под небом вовне
Ненарушимое успокоенье.

Под косогором струится река,
Бледные звезды лениво качает,
Перебирает кусты ивняка,
Что-то невнятное им сообщает.

И отражает пылающий шар –
Солнце неспешно, картинно восходит.
Двор заливает, крылечко, амбар,
Рваное чучело на огороде.
Первым проснулся, конечно, петух,
Кошка с крыльца осторожно спустилась,
Два воробья выражаются вслух,
Что-то поутру меж ними случилось.

Вышел кобель, одурелый от сна,
Морду зевотою перекосило,
Женщина в шали сарай отворила,
Стала в сарае корова видна.
Сена лежалого сладостный дух,

Звон молока о подойник жестяный,
Кот-долгожитель нахален и глух,
Сел позади в ожиданье сметаны.

После в прокисший домашний уют
Следом за женщиною просочился,
Ставень на левом окне отворился –
Значит внутри пробудились, встают.

Стая ворон на железе креста –
Необходимо ему украшенье,
Смотрит в долину, а там суета,
Там тишины и покоя крушенье!

Там напрягается грозный Восток, –
Пыль до небес, сумасшедшие крики,
Стали бряцание, имя Владыки,
Целенаправленный властный Пророк,

Гибель нашествия! Только никак
Не приближаются кони к селенью,
Словно не дадено им дозволенья,
Не продвигаются ну ни на шаг.

Забуксовали… Трава и земля
Комьями в стороны – скорость что надо!
Но перед мордами светлой преградой,
Тенью ажурной стоят тополя.
Вот он, поселок, совсем недалек,
Просто рукой дотянуться возможно,
Уж аромат его жизни несложной
Ноздри щекочет, как сладкий дымок.

Люди, скотина, ну все на виду:
Куры, цветы незнакомых растений,
Толстые гуси, качаясь от лени,
Белой цепочкой на речку идут…

Следом детей белобрысая рать,
Следом собаки, без них не бывает,
Женщина, видно, как рот разевает,
Что-то соседке спешит рассказать…

Нет, в самом деле, ведь это ж скандал!
Шпоры вонзает Пророк, горячится,
Лица одел фанатичный оскал,
Смуглые, хищные, гордые лица.

Ну же, воитель, давай же, давай!
Ну же, попробуй усилья умножить,
Чтобы мгновенье спустя растревожить
Тихий славянский непуганый рай.

Но… не кончается яростный скок,
И непонятна задержки причина.
Не в состояньи покинуть долину
Чернобородый спешащий Пророк.

Пыльный, охрипший, уже подустал,
И никакого, увы, результата.
Как бы тебе объяснить, бородатый, –
Киплинга, видимо, ты не читал…

Запад есть Запад, Восток есть Восток,
И не стереть между ними границы,
Нету возможности соединиться,
Зря ты дружину сюда приволок.
Зря, понапрасну полез на рожон,
Перенапрягся и перетрудился,
Этот славянский бессмысленный сон
Многим твоим прародителям снился.

Попусту бьешь, горячишь скакуна,
Он уж земли под собою не слышит,
Но беззащитные серые крыши
Не приближаются. Словно стена

Перед тобою. А время идет,
Солнце ласкает сады на пригорке,
Грядки капусты, сараи, задворки,
И безнадежный восточный поход.

Нету уж больше ворон на кресте,
В пахоте жирных червей убивают,

В теплой душистой печной темноте
Каша пыхтит, пироги поспевают.

За деревянным обширным столом
Дети тусуются, проголодались.
Возле сарая, в тени за углом
Гуси валяются, перекупались…

Скачет Пророк…
А беспечный народ,
Щей похлебав, ковыряется в грядках,
Пляшет, поет, выпивает на Святках,
И после Святок в пропорции пьет,

Солит капусту, огурчики впрок,
Водку настаивает на рябине…
И абсолютно ему невдомек,
Что происходит в соседней долине.

14 февраля 1997 г.

Стихи разных лет

* * *

Спешите, можно не успеть,
Начать и не допеть.
Ведь жизнь ужасно коротка, –
Мигалка маяка.

Во мраке вспыхнул и погас.
Спешите, близок час.
Поторопитесь все сказать,
Все выплеснуть, отдать.

Талант, призвание даны,
Даны со стороны.
Нас подожгли, и мы горим,
Поем и говорим.

В восторге пляска начата,
Несется хоровод…
Спеши, сейчас маяк мигнет –
И снова, снова темнота
Кромешная придет.

1987 г.

* * *

Нету у Вас ни стихов, ни картин,
А вот денег – аж до испуга!
Ну поменяемся, обогатим,
Ну обогатим друг друга!

Очень картины мои хороши,
Стихи… Стихи еще лучше.
Пища для вашей озябшей души –
Не упустите случай!

И я свой, конечно же, не упущу,
Без денег все-таки плохо.
Как только их от вас получу,
Вам уникальный товар вручу,
Суперкласс, без подвоха.

Ну что, меняемся или как?
Ужель совсем не нужна я?
Зачем же тогда словесный бардак,
Любовь к искусству святая?

А, понимаю, хоть на словах
Дотронуться до культуры…
Заманчиво, но… потерпите крах,
Нет в финансовых головах
Нужной аппаратуры.

Ведь я же не импортный унитаз,
Не пиджак ярко-алый,
Я только художник, а это для вас
Нелепый, чужой, непонятный класс,
Да и ненужный, пожалуй.

8 сентября 1996 г.

* * *

Одиннадцать. Ещё светло.
Ну что за дурь, ведь ночь же это!
Но мир глядит через стекло
непроходящего рассвета.
Отчетливо стоят в окне
Антенны над железной крышей…
Давно пора светить луне,
Зимой давно бы месяц вышел!

А тут – тепло, играют дети,
Весельем голоса звучат,
Двор обитаем, шумен, светел,
Денёк наидлиннейший в лете!
Потом часы пойдут на спад.

Потом минуту-две отнимут
у света в пользу темноты,
Для холода у теплоты…
И мы почувствуем, что мимо

Промчалась радость. Будет в пять
Уже темно, для равновесья.
И месяц станет в поднебесье
Алмазным холодом сиять.

22 июня 1997 г.
11 часов вечера,
Селятино.

* * *

Как я давила тараканов,
Так пусть раздавят и меня,
Чтобы страдания возня
Не отравила миг нирваны.

Это какое ж милосердье!
Чтоб без мучений, миг один –
И финиш! Добрый господин!
Я все, все, все мое усердье

На уговоры положу,
На просьбы слезные, моленья!
И это вот стихотворенье
Прибавлю! Распашу межу
Между собой и тараканом!

Ну почему бы, почему
То, что досталося ему,
Мгновенный переход в нирвану,
И мне, и мне не подарить!
Как это было б справедливо.

Ну что, смогла уговорить?
Ты обещаньями сорить
Не склонен, знаю, ты нелживый…
Ну так подай мне верный знак,
Что мой вопеж тобой услышан!
Склонись, склонись Всесильный, свыше!
Тебе ведь это тьфу, пустяк.

А я, а я уже сейчас
Вся изойду благодареньем,
И буду с тихим умиленьем
Свой ожидать последний час.

3 декабря 1996 г.

* * *

Ни в сон, ни в чох,
Ни в вороний грай,
Ни в змеиный шип я не верю.

Единый вздох –
Весь земной раздрай,
И находки все и потери!

Как птицу влет
Уберут с высот,
И привет, все дела прощайте.

Отстрел идет.
Нет, не до и от, –
Поголовно его встречайте!

Так надо ли
На лице земли
Суетиться и напрягаться?

Пускай вдали
Пройдут корабли
С грузом почестей и богатства.

Я, сколь смогу,
Буду на брегу
Наблюдать приливы-отливы.

В тиши, в тени
Проведу все дни
Беззаботною и счастливой.

18 июня 1996 г.

* * *

Ах, мой друг, мой гениальный друг,
Лучше б ты в Америку уехал,
Чем существовать печальным эхом
Нереализованных потуг.

Много было так тебе дано,
Просто бесконечные таланты!
Почему не канул в эмигранты?
Вот теперь дешевое вино

Вместо драгоценного напитка
Получилось из лозы твоей:
Ну, родил, ну, вырастил детей,
Всех семейных прелестей с избытком

Нахлебался, нянчаешь внучат,
Стережешь их дачу от бандитов…
Это б кто другой… Но ты-то, ты-то!
Был до неприличия богат

Божьими высокими дарами!
Что тебя так сильно подвело?
Что судьбе случиться не дало,
Что твоей способствовало драме?

Может быть, зараза-перестройка
Или недалекая жена?
Или наша общая помойка,
Что нам вместо родины дана?

Ты наивен, ты во все поверил,
Чувство долга – вот он где секрет!
И талант увял, словно букет,
И открытий не открылись двери!

Лучше б ты в Америку уехал
Или на чеченскую войну...
Ты на моей совести прореха,
Моему спокойствию помеха,
Как припомню, так себя кляну.

2 января 1997 г.

* * *

Отвинтил бы кто-то голову мою,
Вот тогда бы оказалась я в раю.
Не найду пока охотника, увы,
А приятно бы пожить без головы.

Ни варить бы, ни кумекать не могла,
Ни прикидывать, рассчитывать, влиять.
Жизнь была бы не черна и не бела,
Нечем стало бы ее определять.

Даже пусть лицо останется, глаза
Будут в небо темно-синее вникать,
Уши звуки из природы пропускать
Первозданные, как чистая слеза.

Нос услышит ароматы пирогов
И весною испарения лугов,
Ну, а рот, испивши сливовый компот,
Благодарностью веселой расцветёт!

Значит, лишние во мне одни мозги.
Измотали, изувечили совсем!
Темнотою всё задернули – ни зги
Среди сумрачных расчётов и проблем…

Отвинтил бы кто-то голову мою,
Вот тогда бы очутилась я в раю!

1987 г.

* * *

Сегодня очень, очень зла,
Я быстро кончила работу.
Потом на раму позолоту
Рукою злобной навела…

Халтура, как мне поступить,
Чтоб век с тобою не видаться?
Меня желаешь ты купить,
Я не хочу тебе продаться!

Ты предлагаешь сто услуг:
Приоритеты, ананасы,
Блестящего бомонда круг –
Ну, словом, все свои запасы!

Сулишь вояжи… Боже ж мой,
Ведь я была невыездной! –
Ну просто денег не хватало…
И вдруг сейчас, на склоне лет

Передо мной весь белый свет –
Немало, право же, немало!

Освобожденье от забот,
Машины, кухни, гарнитуры,
Все радости аппаратуры
И с кредиторами расчёт…

Но утром очень, очень зла,
Я враз работу завершила,
Покрыла лаком и решила,
Что идиоткою была.

Пыталась чувства причесать,
Поспорить со своей судьбою.
Мне даже имя подписать,
Халтура, стыдно под тобою!

1987 г.

* * *

День рожденья каждый день!
Утром встала – народилась,
А потом засуетилась,
Заметалась, засердилась,
Тень на новенький плетень
Навела. В людской бытовке
Вредоносные уловки
Заставляют суть забыть.
Что же делать, как же быть?

Очень просто – встать, пойти
В день рожденья мрачный, темный,
Роз купить букет огромный,
Шевелящийся, обломный,
И в газете принести.

Сбросить мокрую газету,
Как с невесты покрывало,
Увидать – прекрасней нету,
И, конечно, не бывало!

Так и я – прекрасней нету
И счастливее сегодня!
Свет свечей к дневному свету
Примешаю и Господне

Призову благословенье
На еду и на питье.
Каждодневный день рожденья –
Просто райское житье!

30 сентября 1996 г.

* * *

Ощущенье по снегу скучает,
Так мне жаль, что он тает, так жаль,
Будто вместе душа моя тает,
Потерявши любимый февраль.

И когда привязаться успела?
Я в растерянности от нее.
Что-то, видимо, не досмотрела…
До какого еще беспредела
Доведет ощущенье мое?

Может, завтра печали полюбит?
И страданья и самую смерть…
Трафаретным, зашторенным людям
Непонятна ее круговерть.

Непонятны крутые летанья,
И привязанности невпопад,
Ароматной весны нежеланье,
И влюбленность в густой снегопад.

Что мне делать, ах, что же мне делать?
Я ведь тоже понять не могу,
Почему, когда вдруг потеплело,
Я до боли в груди захотела
Света окон на белом снегу.

15 марта 1994 г.

* * *

Патриотизм? На кой он нужен!
Любовь к России – нет её!
И не надейтесь, ё-моё!
В обыкновенной теплой луже

Сидеть и лужу прославлять?
Самодовольно громко квакать?
Привычную родную слякоть
Приоритетной объявлять?

Мол, посреди окрестных луж,
Моя и глубже и мутнее,
В ней обитатели умнее,
Соседи мелкие немеют
Перед величьем наших душ!

Умом-то нас нельзя обнять,
Не говоря уж об измерить!
Кто станет квакать, возражать,
Да кто ж решится нам не верить?

Такой конфуз не для меня –
Мне H2O и в прочих лужах
Такой же кажется, не хуже.
И ночи тень, и яркость дня

У нас такие ж, как везде, –
Лес отражается в воде
Или рябит поверхность ветер…

Различий нету на планете –
Непал, Россия, Аргентина,
Земля кругла, земля едина!

Все разделения – от жаб,
От скудоумния затеи.
Я не вхожу в идейный штаб,
В ансамбле квакать не умею,
Несимпатичны мне границы:
Все – братья, все – мои сестрицы!

Безумия не разделю –
Я обитатель мирозданья,
И пока теплится дыханье,
Всех одинаково люблю!
Всем сострадаю, всех жалею,
Патриотизмом не болею.

4 января 1998 г.

* * *

Музыка – наш ответ на любовь Бога".
Л. Губайдуллина.

Я постарела, а музыка не постарела.
Всё постарело – земля, небеса и строенья.
Только не музыка, ей не грозит постаренье,
Нету охотника и не бывает отстрела.

Разве забвение… Но ведь оно не отстрел.
Ладно, забыли о ней, как зимою о лете.
После духовного холода, средь поменявшихся тел
Снова появится на постаревшей планете.

Время, законы материи – всё для неё пустяки.
Вечною юностью боги её наградили.
Вечные воды безвременья светлой реки,
Видимо, музыку влагой своей напоили.

Не человека… Обидно, ведь он же творец,
Он создаёт её, ноты кудрявые пишет,
Мыслями, чувствами в ней копошится и дышит,
После стареет, уходит, недолгий жилец.

Ну, а она остаётся – всегда молода!
Временным людям подругой, их детям и внукам.
Может, людей суетливых большие стада
Только затем и приходят на землю, сюда,
Чтобы внимать гармонической музыки звукам!

21 декабря 1997 г.

* * *

В окошке веточки застыли,
Почти пустые, налегке.
Их листья скудно облепили,
Как пятачки, что раньше были
До перестройки в кошельке.

Блестят на солнце светлым златом
Среди темнеющих домов,
Машин стоящих и кустов,
Раздетых ветром-супостатом.

Площадка, улица, задворки
Совсем пусты. Идет один
Бездомный пес. Помост на горке
Сквозь кисти темные рябин

Блестит. Размокшие дорожки,
Меж них пожухлая трава…
Мое кино – мое окошко!
Конечно, я была права,

Когда сюда, сюда стремилась
Из синей Греции, из сказки.
Спешила захватить развязку,
Суровой осени немилость.

Так все знакомо – тишина
Над застывающей землею.
Не греет солнце, и луна,
Высокомерна, холодна,
Стоит ночами надо мною.

А после, после белый снег
Сравняет радости, печали…
И тихо станет в бальном зале,

Где лишь недавно танцевали,
Скользили, падали, вставали,
Любили, верили в успех…

В окошке веточки застыли
Почти пустые, налегке.
Их листья скудно облепили,
Как пятачки, что раньше были,
До перестройки в кошельке.

13 октября 1995 г.

* * *

Посвящается А. Дубинчику

Я отрекаюсь, отрекаюсь,
Я ухожу в небытие.
По белой лестнице спускаюсь
В неосвещенное фойе.

Как вдохновенно мы играли,
Как речи истово лились!
Помимо смысла и морали
Мы состоялись и сбылись.

Теперь финал – костюмы, гримы,
Помады, пудры, парики
Оставим. Ныне, пилигримы,
Наденем мантии тоски.

И выйдем. Как успех непрочен!
Темно и сыро. Поздний час.
Пойдем отсюда, дело к ночи.
И утро будет не для нас.

2 июня 1991 г.

* * *

Душа моя, как поживаешь в теле,
В квартире расписной?
Когда нас выселят? На этой ли неделе?
Или на той?

Квартирка так себе.
Была ль когда-то лучше?
И будет ли опять?
Ты можешь это знать?
Иль, покорясь судьбе,
Надеешься на случай? –
Нельзя сказать?

Давно ли ты в пути?
И сколько поменяла
Приютов и сердец?
И где была сначала?
Кто мать и кто отец?
Иль память потеряла?

1993 г.

* * *

В прохладной глубине души,
Как в глубине морской, жемчужин
Навалом. Но ныряльщик нужен,
А он чего-то не спешит.

Или жемчужины ему
Не очень-то необходимы?
Иль просто глубина интима
Пугает? Думает: в тюрьму

Нырнет, и все, прощай, свобода,
Нежнолюбимая, прощай!
В пучину смотрит через край,
Но не желает прыгать в воду.

Он прав. Я знаю и сама,
Душа без признаков ума
Охватит, растворит, придавит,
Потопит бедного ловца,
И на поверхности лица
Клеймо хозяина оставит.

И все же так улов хорош!
Ведь не стекляшки, жемчуг это!
А вдруг в объятья попадешь
Такого ласкового света,

Что век свободы не видать
Захочешь, лишь бы обладать
Частицей океанской пыли!

Лишь бы ее не потерять!
Давай, давай, спеши нырять,
Покуда не опередили.

17 февраля 1997 г.

* * *

«Мы – куклы, небо – кукольник.
Мы немного поиграли на ковре бытия
И опять попадем в сундуки
небытия один за другим»,
Омар Хайям.

Наш добрый папочка Господь
Тусуется в пространстве неба.
Не есть, ему не нужно хлеба,
Но зрелища, до цирка вплоть,

Так любит, просто обожает!
Возможно оттого у нас
Изряден прочности запас:
Ведь лет по семьдесят играет

На сцене каждый, в балагане
Кривляется, поет куплет,
И никаких антрактов нет,
Не терпит зритель прерываний.

Играй, покуда хватит сил!
Бездарно или гениально,
Лишь бы забавно, небанально,
Чтоб развлеченье получил

Господь! А я-то удивлялась,
Зачем так долго нас терпеть?
А все от скуки… догадалась!
Дремотно в облаках сидеть,

И слушать арфы серафимов,
Их славословия, их лесть…
Закономерно предпочесть
Наш балаган – каких интимов

И криминальных испарений
Нанюхаешься – прям отпад!

Что рядом с ними черти, ад –
Так, каша манная с вареньем!

Смотри, отец, на нашу жуть!
Смотри, не осуждая строго,
Трагикомедия убога,
Но автор – ты, не обессудь!
Так что приколам диалога
И малограмотности слога
Поаплодируй хоть чуть-чуть!

10 апреля 1998 г.

* * *

Дай бог, чтоб грозной непогоды
Вблизи ты ужас не видал
А.С. Пушкин

Революцию делать не стоит,
Мы уже ее делали, хватит.
Кипятком тирании окатит,
Покрывалом безумья накроет.

Непрозрачным и угольно-черным;
В нем заплаты слезливых боязней,
Лицемерие, ужасы казней
И подачки лакеям покорным.

И вранье, и вранье без предела,
И просторы сибирских колоний…
Жить, конечно б, иначе хотела.
Только мне ли на возраста склоне

Тешить сердце надеждой пустой?
Оно, бедное, больше не верит,
Невозможен здесь век золотой
Ни растеньям, ни людям, ни зверю.

Даже Богу… Он там в облаках
Вместе с нами печалится очень.
Но помочь или просто не хочет,
Или силы не стало в руках.

Повернул, покрутил бы штурвал,
Нас направил бы в благополучье,
Чтобы легче, счастливее, лучше
Человек на земле проживал.

Или может двуногое стадо
Заслужило развал бытия?
Все равно, умоляю, друзья,
Революцию делать не надо.

1997 г.

* * *

Мне очень хочется вернуть
Тебя, бомжа в моем подъезде.
Ты где? Закончила свой путь
Иль можешь вновь прийти? Как прежде,
У батареи ночевать,
В платок закутавшись дырявый,
Тоскою сердце надрывать,
Подачки наши принимать,
Но все же быть живой и здравой.

Не очень здравой... Так старела,
Худела просто день за днем,
И все печальнее смотрела
В немую темень за окном.

Потом пропала... Иногда,
Мне кажется, в толпе проходишь,
Неузнаваема, седа...
Ты, может, все же где-то бродишь
Или пропала навсегда?

Отмучилась и отбродила,
Ушла в блаженства пустоту,
Где основательно забыла
Подъезды, грязные перила
И батареи теплоту...

25 сентября 1997 г.

* * *

Весной я начинаю ждать зимы!
Ну, для начала хоть дождей осенних.
Не нужно мне цветение сирени
И радости кошачьей кутерьмы…

Весной я начинаю ждать зимы.

И это уже много-много лет.
Себе не перестану удивляться:
Сезона мне зимы милее нет,
И чем суровей, тем милее… Братцы!
Я что, урод?
Сорняк, не корнеплод?

Нехарактерный для людского огорода
И даже вредный? Но помилуйте урода!
Что делать, если обожаю белый цвет,
И сердце радует морозная погода?

1 апреля 2006 г.

Происшествие

На повороте, вираже
Вдруг опрокинуло машину,
И зафигачило в витрину
В галантерейном этаже.

Высокий черный манекен
Весь покорежился, сломался,
А белый только покачался,
Но устоял средь перемен.

Шофер – в лепешку. Пассажир –
В лепешку, и машина тоже.
От ужаса окрестный мир
Гусиною покрылся кожей.

Лишь манекен, что уцелел
Среди вселенской круговерти,
На разрушения и смерти
Глазами белыми смотрел.

28 марта 2006 г.

* * *

Пошли вы все! И я пойду.
Нет, не оставлю вас, не брошу,
Земную тягостную ношу,
Вину, раскаянья беду,

Меж нами разделю, не бойтесь,
Вас посылаю и себя,
Об общей участи скорбя.
Ну, соберитесь, успокойтесь.

Обидно, если б исключенье,
А за кампанию и все…
Пройдем, как мамонт по росе
И канем, словно наважденье.

Растает, как в степи мираж,
Объединенье человеков.
И ни к чему хожденья в Мекку,
Молитвенный ажиотаж,
Прошения о снисхожденье –
Все бесполезно, ни к чему.

Пошли мы все, пошли во тьму,
Давно пошли… Теперь по чеку,
Который дали нам в обмен
На многолетние старанья,
Получим наше воздаянье
И строчкой в книгу перемен

Войдем… Пошли, пошли мы все,
Без отдыха, без остановки.
Надежды пошлые уловки
Бессмысленны. К своей косе
Притронулось седое время,
Пора, уже пора косить.
Не стоит ноги уносить,
Мы эпилог в земной системе.

Чтоб ясно стало – никогда

Такого повторять не надо!
Всем на земле от нас беда,
Мы словно тля на ветках сада.
И потому должны уйти.
Куда? Вот этого не знаю.
Но гигиену одобряю,
Хозяин должен сад блюсти.

4 октября 1996 г.

* * *

Семнадцатый, далёкий год террора
И мертвяков.
Вот с той поры и косим до упора
Под дураков.
Вот с той поры нас и приговорили –
Бесстыдно лгать,
И к избавленью никаких усилий
Не прилагать.
В сознанье постепенно были вбиты
Расчет и страх,
И невозможность изменить орбиту
Ну ни на шаг!
Осмелиться и вскрыть свои нарывы!
Ан нет, ан нет…
Уже не знаем – умерли иль живы…
Ведь столько лет
Душа убита! Вон, её остатки,
Вон, по стене
Размазаны! Зачем играем в прятки,
Скажите мне?
И с кем играем? Всем давно понятна
Вина – беда!
Мы никогда не вырулим обратно,
Нет, никогда!
Семнадцатый, далекий год террора
И мертвяков.
Вот с той поры и косим до упора
Под дураков.

21 марта 1996 г.

Почти сонет...

Какой печальный нынче день,
Жемчужной мягкостью одетый...
Что ж, поменяем праздник лета
На увядание растень...

На улетанье мелких птиц,
Что лето с нами провожали.
Теперь слиняли, убежали
От темно-розовых зарниц,
От холода и от печали.

Летите. С вами в дальний путь
Душа летит, ведь тоже птица.
Летит, чтобы чуть-чуть забыться,
Теплом тропическим умыться,
И с легким вздохом возвратиться
В дождливо-серенькую муть.

7 ноября 1996 г.

Творцу

Ты – Блаженство, я – Блаженство –
Наконец-то мы совпали!
Все отдельности увяли –
Единично Совершенство!

Мы – едины, Мы – едины!
Нет не мы – ведь нас не двое –
Стала я тобой, ты мною,
Ни конца ни середины, ни начала у меня!
Как я долго заблуждалась!
Наконец-то догадалась,
Все швырнула в пасть огня,
И свободная примчалась

В единение с тобой!
К своей сущности вернулась,
Совершенством обернулась
И счастливою судьбой!

10 июля 2009 г.

Кармен

Поторопились. Неровен час –
Упустишь основную сцену,
Где Карменсита в сотый раз,
Не опуская наглых глаз,
Спешит на красную арену.

Так беззаботна и легка,
Так подбородок вскинут гордо,
Сжимает смуглая рука
Мантилью черную у горла,

Игривый локон смоляной
Подрагивает возле уха…
Конечно, только ей одной
Неинтересна заваруха,

Что начинает назревать…
Она поступит, как поступит –
Возможно жизнь ее прервать,
Но даже смерти не уступит

Она свободу! Свет погас,
Оркестр приветствует измену.
И Кармелита в сотый раз,
Не опуская наглых глаз,
Спешит на красную арену.

2001 г.

Прощание с Сиросом

Вот последнее утро, поют петухи,
Просыпается Сирос, и я просыпаюсь.
Уезжаю, довольно с меня чепухи,
Уплываю, линяю, прощаюсь…

Скоро осень… Деревья пустые шумят,
Уж конец октября, а я в море купаюсь.
Мне в Россию пора, мне в Селятино, взад,
Уплываю, линяю, прощаюсь….

Если кто-то обижен, простите, прошу,
Я умею врагов наживать, я стараюсь.
Извините… Спешу к своему шалашу,
Уплываю, линяю, прощаюсь…

А друзья… Что ж друзья? Нынче есть – завтра нет.
С ними тоже сегодня грядёт расставанье.
Я этюдник взяла, я надела берет…
До свиданья, друзья, до свиданья!

Пароход «Панагия» меня повезёт,
Вон, пригрела в порту, ожидает погрузки.
Я захлопнула дверь, я сказала: «Вперёд!».
На прощанье сказала по-русски.

Октябрь 1988 г.

* * *

М.Ш.

У вас мне нужно стать богатой
Иль наниматься в услуженье.
Для первого я старовата,
Второго, словно изверженья,

Боюсь! Уж ладно, как-нибудь
Перестрадаю без валюты,
Зато среди всеобщей смуты
Свою не потеряю суть.

Сейчас пою, как я хочу,
Как мир окрестный понимаю.
Бывает, подолгу молчу
И у соседей занимаю

На пропитанье. Отдаю,
Стираю и капусту квашу,
Звоню, в очередях стою…
Но песни вольные пою,
Свою расхлебывая кашу!

Обидно у себя отнять
Свободу самовыраженья,
Непредсказуемость движенья
На услуженье променять.

И потому вас огорчу–
Я за границу не хочу.

1989 г.
После возвращения
из Америки.

На платформе

Приземляются снежинки
Сдвоены и строены
Мир застыл, как на картинке,
Белый, успокоенный.

На синеющей платформе
Я стою почти одна
Электричка, это в норме,
Не видна и не слышна.

Как обычно опоздает
Что ж, пускай, претензий нет
День спокойно увядает
Его вечер поглащает,
Убирает белый цвет.

Вот строенья потемнели
Загорелся в окнах свет,
Виден леса еле-еле
Угасающий букет.

Люди в шубах накопились
Ждем уже почти что час.
Подморозились, скрутились…
Да, испытывают нас.

Мы конечно же сумеем
Ожидаенье превозмочь
Ничего, не околеем,..
Вот уже настала ночь.

На платформу тьма упала
Ах, начать бы все сначала

Я надела бы носки
И сейчас бы не дрожала
И минуты не считала
Лишь стишки бы сочиняла.
Развесёлые стишки.

12 января 2001 г.

* * *

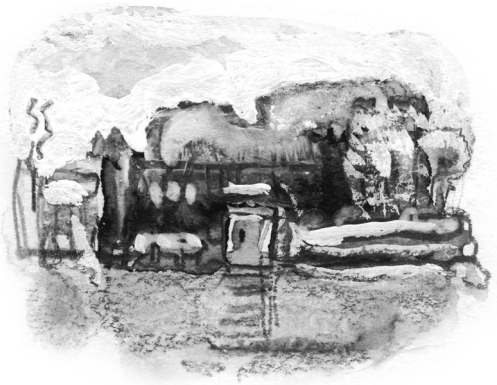
Робкий, седенький рассвет…
То ль настанет, то ли нет
День сегодня – неизвестно,
И уже неинтересно.

Как кисель, как бледный дым,
Небо мокрое, под ним
Двор унылый, сероватый,
Весь в клочках нечистой ваты –
Шепелявого тумана.
Вон, скопился у бурьяна,
У помойки – видно, вечен.
Двор, похоже, обеспечен
Им надолго. Крик далёкой,
Беспризорной электрички,
Длинной, тощей, одинокой,
Раздаётся… С непривычки,
После пёстрых сновидений
Свет прокиснувший, осенний
Трудновато воспринять.
Так не хочется менять
Сновидений нелегальность
На легальную реальность
Холода в моей квартире
И во всем осеннем мире.

Комната объединилась
С заоконным зазеркальем,
Как потресканной эмалью,
Серой плесенью покрылась,

Холод воем электрички
В ней завис и не уходит,
Остановлены привычки,
И вставать не нужно вроде…

Я еще бы полежала,
Завернувшись в одеяло,
Хоть бы несколько минут…
Ну, когда ж топить начнут?

* * *

Противно быть рабыней потолков,
Слугой ковров и адьютантом кресел.
Пускай мой дом просторен будет, весел,
Беспечен и немного бестолков.

На кой мне хрен большие зеркала,
Сервизы в розах, жемчуга на шее?
От них не замираю, не балдею,
К ним никогда пристрастна не была.

Обслуживать серванты, пыль стирать,
Проветривать стотысячные шубы,
Духи кутюр к Версаче подбирать –
Ведь это же в натуре душегубы, –
Лихая удушительная рать.

Как паутиной сердце оплетут,
Раздавят шестисотым мерседесом,
И весом в обществе, и изумрудов весом…
Нет, мне милее простенький маршрут,

Где не цепляется имущество за стремя,
Не пожирает мне отпущенное время.

1 сентября 1996 г.

* * *

Все акции наши у Бога,
И не выкупишь ни одной!
Мало денег дашь или много,
Он не примет валюты земной.

Суперакции предприятия,
Что зовётся жизнью твоей,
Все находятся без изъятия
В закромах уникальных Создателя,
В сейфах ангелов, не у людей!

Вроде общество акционерное
Незакрытого типа… Ступай!
Отыщи только средство верное,
Чтобы выкупить спрятанный пай!

Век ищи, передышки не ведая!
А найдёшь – информируй меня.
И завяжем с землянскими бедами,
Поменяем моторы с мопедами
На крылатого чудо-коня!

Улетим на торги – поторгуемся!
Нет, давай всё-всё-всё отдадим,
Чтобы только забыть наши улицы
И народ, что по лавкам тусуется,
И своё общежитие с ним!

2 апреля 2006 г.

* * *

Работаю, как пред скончанием света, –
Не притормозить и не остановиться!
Ломаю преграды, крушу трафареты
И рвусь в небеса, как пленённая птица!

Безумье накрыло! Что было – забыла,
Что будет – неважно, нет места прогнозам!
Работа, работа!.. На улице влажно,
Ваяются осени метаморфозы…

Они мне до фени! В душе моей пенье –
То марши, то реквием, то серенады…
Ни веры не надо, ни пищи не надо,
Плевать мне – я бездарь иль псих, или гений…

Работаю, как пред скончанием света…

25 октября 2003 г.

* * *

Стихи совсем диванно-кухонные стали.
Хоть никогда в высоком небе не летали,
Но проявленья кой-какие все же были…
Теперь притихли, приземлились и застыли.

Теперь все о себе, о меленьких делах,
Как мне рисуется, какие мысли бродят,
И никогда нигде ни слова о народе
И о проблемах, что кипят на всех углах.

Ни отражений мирового катаклизма,
Ни увлекательных идей патриотизма…

Я тише стала жить, и вслед за мной стихи,
Дела общественные погрузились в Лету…
Закрыта дверь, и что за нею – дела нету.
Пускай серьезные гражданские поэты
Тревожат бренный мир, клеймят его грехи
В строках глубокого серьезного сюжета.

Я подремлю…

15 сентября 1997 г.

* * *

Честность – от слова «честь».
Это ж надо, слова какие!
В словаре они оба есть,
Ну, а в жизни, в людях, в России

Рассосались… Но, может быть,
Лишь у нас одних рассосались?
Может, там у них где-то остались…
А у нас могут только ныть,

Как оторванная рука
У калеки ночами ноет…
Честь… А что это было такое?
И когда оно было? Века

Протекли или только года
С той поры, как от нас удалилась?
Я не знаю… Была молода,
Вроде рядом понятье крутилось:
Дома, в школе и в литературе…
В детстве много ненужной дури
Мне пытались привить. Получилось!

Вот теперь и лежу без сна…
Честь… Не знаю, зачем она,
Наказание мне или милость…
Зря я всё же прилежно училась!
Вот теперь, атавизмом полна,

Существую, ненужный носитель
Старых вирусов. Мамочка, мать!
Что ж ты недосмотрела? Как зритель
Я могла бы просуществовать.

А теперь вот бунтуют во мне
Честь и рядышком совесть – живые!
И мотает меня на волне
Чужеродной бесчестной стихии!

Из-за них некомфортно житьё,
Из-за глупого честного нрава!
Мне в словарь запихать бы отраву
И в шкафу запереть! Ё-моё!

Чтоб истлело, как старое платье,
Неудобное это понятье!

9 апреля 2006 г.

* * *

День настал! Все вокруг хорошо
Ровно – нету не вмятин, ни складок:
Тот ушел, тот напротив пришёл
Тот талантливый, этот осел,
Тот аскет, тот на сладости падок.

Этот мир очень разнообразный
Равнодушным зрачком обведу.
Сквозь него незадевши пройду
И веселье его и беду
На себя не примерю ни разу.

Он в себе, я отдельно в себе
Грань меж нами непреодолима.
Это радует мимо все мимо
Я скольжу неподвластно судьбе
Окружением непостижима.

Почему-то сегодня с утра
Эта истина стала понятна
Но… молчок. Никаокго ура
Миг прозрень слетевши с пера
Только мой обсолютно приватный.

3 мая 2009 г.
Селятино.

* * *

На волю я уйду совсем одна.
Никто из вас со мною не пойдёт.
Вам горечь осознанья не нужна,
Как не нужна контуженным война,
А курице стремительный полёт.

Что ж, до свиданья! Свидимся ли вновь?
У каждого из нас своя игра.
Меня к труднодоступному любовь
Толкает – возмущайся, прекословь,
Когда аплодисменты и «ура!»
Звучат кругом!
Я пониманья свет
Метнула бисером под ноги вам!

Вы растоптали. Видно, смысла нет
Дельцам показывать дорогу в храм.
И всё ж попробовать решила, показала…
На что надеялась, чего я ожидала?

И в результате вот теперь от вас сбегаю,
Возможно, этим тоже как-то помогаю.

Что ж, до свиданья, дорогие дяди, тёти.
Жаль, что со мною вы на волю не уйдёте.

18 марта 1996 г.

* * *

Слов огнедышащий каскад
Обрушился и смял дыханье,
Спалил, испепелил сознанье,
И самое существованье
Оборотил в кромешный ад.

Пылающий, как головешка,
Высокий, словно веры пламя,
Взвивался яркими столбами
Свет истины! Беги, не мешкай!
Нет, не к нему, а от него,
Беги, коль дорожишь покоем,
Беги к обыденным устоям,
В прохладу дома своего!

И в нем, за крепкою стеной,
От огненного наважденья
Укройся! Подожди, постой!
Возьми-ка и меня с собой.
От света истины укрой,
От знанья и самосожженья.

18 октября 1996 г.

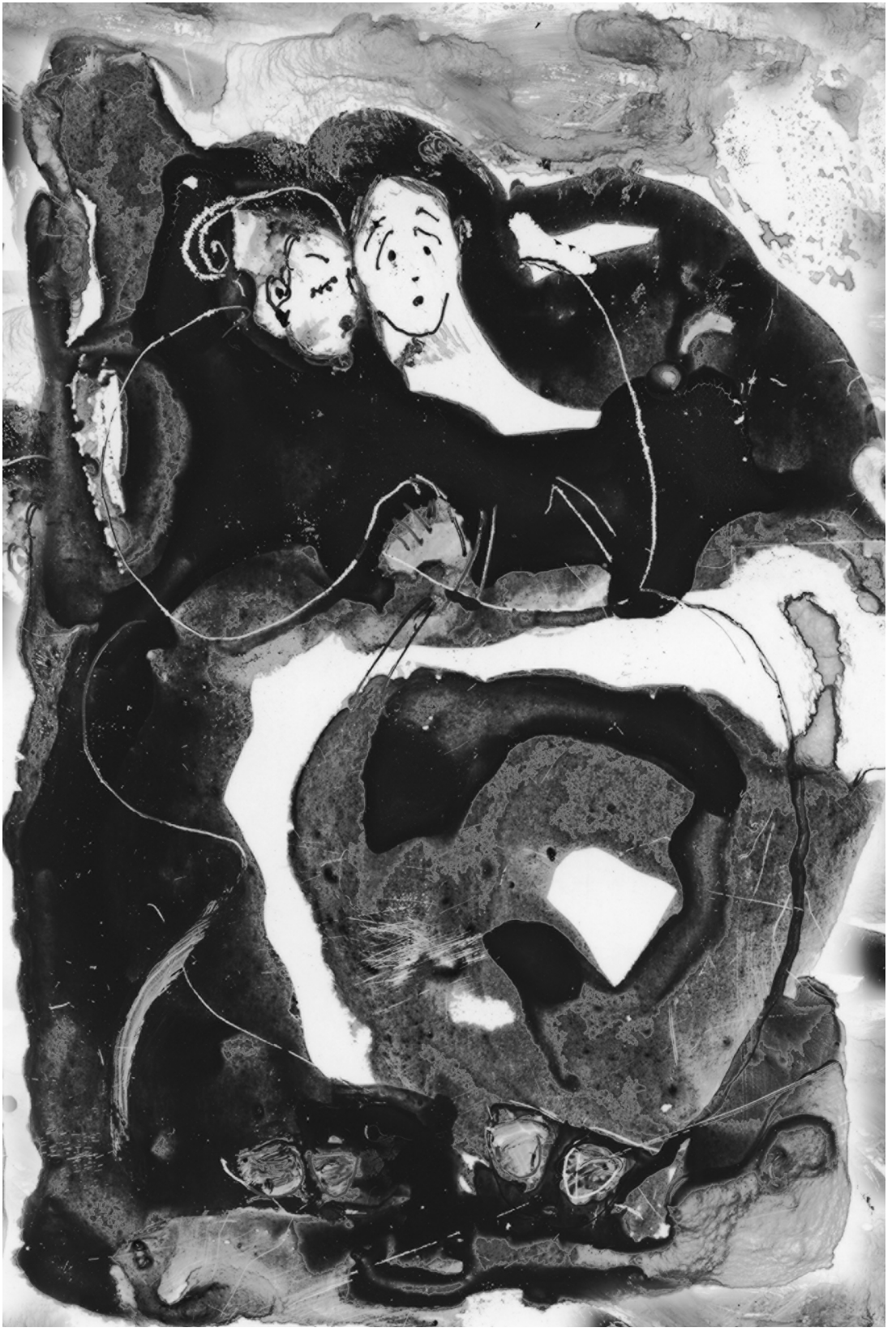
* * *

Я у Христа за пазухой жила,
Там обстановка чистая, уютная.
Потом его раздели догола,
Распяли, я осталась бесприютная.
Решив, что навсегда сгустилась тьма,
Рыдала, не надеясь на спасение.
От радочти чуть не сошла с ума,
Приветствуя святое воскресение.
И поскорей за пазуху к нему.
Он ожидал, он по друзьям соскучился.
Свою недолговечную тюрьму
Не проклинал, хоть видно, что намучился.
Поговорили, обсудили зло,
Я рассказала про свои страдания…
Он говорил: да ладно, все прошло.
Был полон доброты и понимания.
В окне шептала пыльная листва,
Пришла Мария, молодая, складная.
Мед на столе, лепешки и трава,
Овечий сыр и молоко прохладное…
Был вечер, плыл магнолий аромат,
Все в мире было ласково и молодо.
Мы вышли на крыльцо, горел закат
Над озером расплавленного золота.
И вновь текут счастливые года,
Забыты мною нежити угрюмые.
Вот только опасаюсь иногда:
Вдруг снова распинать его надумают?

Август 1993 г.

Сон

поэма

«Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь».
В. Шекспир. «Буря».

Ах, усталость, ах, усталость
В голове, душе и теле,
Мне б добраться до постели,
Мне уснуть бы на неделю,
Ночь, она ж такая малость.

Я помылась, я разделась,
Заползла под одеяло,
Даже книжку не читала,
До того поспать хотелось.

В миг сознанье отключили,
Пёстрый рынок начал сниться,
Балаганы разных стилей,
Говор, смех и запах пиццы.

Будто мы с сестрой Варварой
Затерялись средь продажи,
Средь весеннего базара,
В шуме и ажиотаже.

На прилавках горы снеди,
Молоко, баранки-сушки,
Самовары красной меди,
Ярко-синие подушки,

Будто в небе сини мало…
В попугаях покрывало,
Плат в пурпуровых розанах,
Бизнесмены при бананах,

Сто драконов на халате,
Шимпанзе при акробате,
Воздух розовый, весенний,
Солнце, небо, воскресенье.

Мы плывём между рядами,
Примеряем кольца, броши…
Ой, Варвара, ой, за нами
Шум какой-то нехороший.

Оглянулась – обомлела:
Бурка, шашка и папаха,
Пулемётчик оголтелый
С ним дебелая деваха!

Вот те на! Летят за нами,
Над тачанкой реет знамя,
Крик «ура!»… Сейчас поймают!
Ой, сестричка, дорогая!

Перекрывши топот конный?
Бизнесменки завизжали.
Ну, Варвара, побежали!
Видишь дом многооконный?

Дом, не выдумать старее,
И смотри – необитаем!
Ну, скорее же, скорее,
В темноте его растаем.

У дверей уже орава,
В коридоре, за спиною…
Вот сюда, теперь направо,
И за мною, и за мною.

Осторожнее, зацепишь
Домового. Здесь левее
Черный ход, он прямо в степи,
Прямо в горечь суховея.

Как в жаровню из колодца
– Всё в пыли горячей тонет…
Как, и здесь опять погоня?
И опять бежать придется?

Пыль поджаривает пятки,
Жаркий ветер горло сушит…
Ну, Варвара, без оглядки,
Ведь у нас не «Ножки буша»!
Ведь у нас еще какая

Резвость легкая из детства!
Что ж так тихо убегаем?
Иль военное наследство?

Да, чего-то не бежится,
И тачанка настигает,
Да еще навстречу львица
Из барханов выбегает;

Следом лев златой горою,
Двое, значит – что-то много…
Ну, а может, нам с тобою
Это чья-нибудь подмога?

Позади остановились.
Перестали к нам стремиться.
Видно, очень удивились.
Как же тут не удивиться?

Лев присел, подставил спину,
Я за гриву ухватилась,
Словно в мягкую корзину,
В шерсть пушистую зарылась.

Тут же рядышком Варвара,
Слышу сонное дыханье,
И погони, и базара,
Всех эмоций затуханье.

Не спеша, небыстрым бегом
Лев с поклажею стремится,
Рядом пылью, словно снегом,
Запорошенная львица.

Всё свежее, холоднее,
Пыль и вправду снегом стала,
Закружилась, засвистала,
По лицу сечет, по шее…

Ничего уже не видно,
Лед кругом нагромоздился,
Растерялся лев солидный
И сосульками покрылся.

Мы на нем не усидели,
Мы упали, соскользнули…
Львы рассеянно взглянули,
С облегчением вздохнули

И растаяли в метели.
Мы лежим холодной парой
На снегу, словно на свалке.
Замерзаем мы с Варварой,
Хоть во сне, а очень жалко.

На застылые глазницы
Легким кружевом из снега
Опускаются ресницы.
Ничего уже не снится,
Ни базара, ни побега

Будто не было. Руками
Дружка дружку обнимаем,

И тихонько, словно пламя,
Потухаем, остываем…

Всё, не видно и сугроба
Там, где мы обледенели,
Только посвист, только злоба
Не стихающей метели.
И вдали как будто слышно
Сиротливо волки воют…

Что ж, Варвара, так уж вышло,
Так нам выпало с тобою.
Наступает расставанье,

И с земли исчезновенье…
Только, чу… вверху шептанье,
Шелестенье, потепленье.

Неужель весна? Как скоро?!
Снег и вправду быстро тает,
Вниз бежит по косогору,
Нас несёт подобно сору,
В воду мутную кидает.

По реке плывем бурливой,
Кипарисы по откосам.

Значит, к югу. Справедливо!
К виноградам, абрикосам…

Отдохнуть-то все же надо,
Катаклизмы замотали.
Хоть во сне, а до упада,
До упада мы устали.

Невозможно ошибиться,
Приплывём, конечно, в Сочи.
И душа туда стремится
И туда же тело хочет.

Волны прыгают все тише,
Из-под тела убегают,
И на пляж, в родную нишу
Нас тихонечко слагают.

Топчаны и полотенца,
Как заботы доброй мамы,
Ну, Варвара, ну, коленца –
Даже белые панамы.

Мы сейчас же окунулись,
Раз нырнули, два нырнули,
Как щенята отряхнулись

И под солнцем растянулись.
Да, мечты не обманули!

Здесь, на тёплой гальке пляжа
Все кончаются заботы.
Так блаженственно, что даже
Просыпаться неохота.

И не нужно просыпаться.
Завтрак дома? Здесь не хуже.
Вон, в тени больших акаций
И обед тебе и ужин

Подадут: салат, хинкали,
Амарето, цинандали,

И шарманку в ретростиле,
Все, чего б ни попросили.

Мы уселись, разомлели,
Прилетел шашлык по-карски,
Хачапури по-аджарски…
Что-то мы еще хотели?

Да, вареные форели
И котлеты по-пожарски…
Наливаем, выпиваем
Под шарманкины рулады,

Ветер ласковый вдыхаем…
За твоё… Ах, как я рада!
Только что это, что это?
Все колышется и тает…
Сквозь салаты, винегреты,
Краски зимнего рассвета

Постепенно проступают.
Вместо пальмы, вместо лодки —
Кружевные занавески,
На трельяже кремы, щетки,

Стол, бумажные обрезки…
Там, где волны суетились, —
Угол старого буфета…
Да, часы распорядились
Недопитой амареттой.

Что ж, заботы утра, здрасьте!..
Я поставлю многоточье,
И уйду, уйду из счастья
Аж до следующей ночи.

Без меня допьет Варвара
И пойдет сдавать посуду
В шум весеннего базара,
Где обилие товара –
Все, для всех и отовсюду.

Апрель 1996 года.

Содержание

Ева (поэма) 3

Стихи

В рисованье уйду, как в ограду 11
Ты из области законов 12
Засыпает снегом Боровск 13
Преследует стиховая стихия 14
Какая щемящая нынче весна 15
На крыше петух разорался 17
Это время молодых 18
Великую истину ты мне сказал 19
В электричке 21
Я ничего читать не жажду 23
Реально только гениальное – всё-всё 24
Давайте, давайте сорвёмся с цепи! 26
Не казаться – но быть! 27
Олегу Огурцову 28
Из глубин материи 30

Поэмы, написанные в Греции на полуострове Кассандра

Мария 32
Рай 39
Одиссей 46
Мушкетер 57
Будда 64
Путь во Флоренцию (поэмка) 71

Стихи

Происшествие 77
Какое чудо – снова снег 78
Христос не мог воскреснуть, он не умирал! 79
Мише 80
Корабли свои сожгла 81
Я дефилирую по Лондону 82
Положенье неудачное 84
Деревья, как печальны вы 85
Так странно жизнь моя идёт 86
Проснувшейся мухе 87
Разве птицы стремятся издать свои трели 88

Дни слепились в комок 89
Ну райзелайся же с нами 90
Свою работу выполняя на земле 92
Уношу печаль в мастерскую 93
Уединение люблю 94
До свиданья, моя Хоста 95
Есть хоть один, в поэзию влюблённый? 96
Какое чудо – снова снег 97
Самурай 98
Я не приду на суд Конвента 100
Как жаль, что я в бренном теле 101
На вокзал неуютный пришли 102
Имидж свой поменять мечтаю 103
Я приду, ещё приду на эту землю 105
В пять часов уже светло 106
Какой на улице сумбур! 108

Флорентийский цикл. Стихи

Дождь, во Флоренции дождь 110
Савонаролле 111
Нерону 112
Как славно утекает время 114
Все земные дела закончены 115
Похоже, что вы оба драчуны 116
Я во сне тебя вижу и плачу 118
Флоренция… Шляюсь 120
Сонет моим стихам 122
Откроете потом? Вот это мило! 123
Чужие драмы я переживаю 124
Меня одарили сверх меры 125
Так что, они внутри меня 126
Жалость покинула нас 127
Посещают во сне 128
Отпусти, отпусти меня в свободу! 130
Было нынче на рынке веселья навалом 131
У нас было много морей 132
Стихи – нежнее не бывает 133
Пасха 134
Человек изначально свободен 135
У дороги береза склонилась 136
От всего отречься – как прекрасно! 137
Мои владенья, огороды 138

Мулла исламский раз попал на день рожденья 140
Вот снова тает снег 141
Впереди меня день большой 142
Я хочу, чтобы рухнули все города 143
Как меня баловали звуки! 144
Стихи затикали, как мина 145
Не умею утешить 146
Приказ передвигает ноги 147
Нищие люди, грязные люди 148
Никто не лучше никого 149
Давай куда-нибудь пойдем 151
Ну вот, зимы я дождалась 153
Злобы атомный заряд 154
Тебе сегодня позвоню 155
Мысль моя, куда ты прёшь? 157
В июне золотая прядка 158
Уйди, уйди отсель, Душа! 160
Мои права, мои права 161
Наверно, мысли нужно было 163
Всю жизнь по зависти хожу 164
Зачем мне писать, коль стихи никому не нужны? 166
В искусстве разум ни к чему 167
Сонет 168
Все проблемы в стихи укладываю 169
Вечер тих, в небесном поле 170
Освободиться от цепей! 171
Прямо вот сейчас займусь 173
Устала, ах, как я устала 175
Мне кажется порой, – упала я с Луны 176

Стихии поэма, посвящение Александру Пушкину

Мальчик, мальчик гениальный 179
Про Орлова, про Лансу 180
Ах, это всё равно теперь уже для нас 182
Твой юбилей стране как дождик угрожает 184
Дай руку, руку дай... Пошли 186
Печали, слёзы к твоей плите не принесу 188
Калейдоскоп (поэма) 191
Жизнь – не игра. И всё-таки игра 208

Поход (поэма) 209

Стихи разных лет

Спешите, можно не успеть 217
Нету у Вас ни стихов, ни картин 219
Одиннадцать. Ещё светло 220
Как я давила тараканов 221
Ни в сон, ни в чох 222
Ах, мой друг, мой гениальный друг 223
Отвинтил бы кто-то голову мою 225
Сегодня очень, очень зла 226
День рожденья каждый день! 227
Ощущенье по снегу скучает 228
Патриотизм? На кой он нужен! 229
Я постарела, а музыка не постарела 231
В окошке веточки застыли 232
Я отрекаюсь, отрекаюсь 234
Душа моя, как поживаешь в теле 235
В прохладной глубине души 236
Наш добрый папочка Господь 237
Революцию делать не стоит 239
Мне очень хочется вернуть 240
Весной я начинаю ждать зимы! 241
Происшестие 242
Пошли вы все! И я пойду 243
Семнадцатый, далёкий год террора 245
Почти сонет 246
Творцу 247
Кармен 248
Прощание с Сиросом 249
У вас мне нужно стать богатой 250
На платформе 251
Робкий, седенький рассвет 253
Противно быть рабыней потолков 255
Все акции наши у Бога 256
Работаю, как пред скончанием света 257
Стихи совсем диванно-кухонные стали 258
Честность – от слова «честь» 259
День настал. Всё вокруг хорошо 261
На волю я уйду совсем одна 262
Слов огнедышащий каскад 263
Я у Христа за пазухой жила 264

Сон (поэма) 265

Альбина Георгиевна Акритас действительный член Российской Академии художеств, член президиума Российской Академии художеств, профессор, Народный художник России, Член союза писателей России, лауреат многочисленных премий, в том числе премии правительства Москвы, Действительный член Международной академии культуры и искусства.

Альбина Акритас окончила Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина, участник многочисленных выставок в России и за рубежом. Её произведения находятся в собраниях Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, в музеях других городов России и за рубежом.

Это её третий стихотворный сборник.

ББК 84 Рб
А 40
ISBN

© Акритас А.Г., 2009

Альбина АКРИТАС

АГАТ
Стихотворный сборник

Ответственный редактор Подлыжняк Е.М.
Корректор Юрьева Е.А.
Верстка Павленко Э.В.

Подписано в печать 2009 г.
Отпечатано
Тираж экз. Заказ №